

Браслет II

Глава первая

Его мать в молодости была признанной красавицей. Остатки красоты она сохранила, даже перешагнув во вторую половину жизни. Правда, многократное материнство отразилось на ней сильно: она потучнела, раздалась, движения ее утратили упругость и гибкость, но тонкие, точеные ноги, лебединая шея и маленькая головка с двумя огромными темно-кариими глазами говорили о породе.

Она была очень знатного рода, ее родословная пестрит именами историческими. Горностай, Любезный, Лебедь – и так до родоначальника русской рысистой породы Барса Первого, внука знаменитого араба Сметанки. Отец жеребенка, Браслет Первый, – блестящий ипподромный боец и прямой потомок рекордистов.

Браслет Второй родился ночью. Он долго лежал без движения, как мертвый, растянувшись на мягкой соломе среди денника.

Старая Злодейка, облизав сына, стояла над ним, не спуская с жеребенка влюбленных глаз. В этих глазах светилось столько материнской радости и ласки, что казалось – в глубине их горят, не мигая, теплые ровные огоньки.

Когда в денник стал пробиваться зимний рассвет, жеребенок поднял голову. Два мутных, без всякого выражения, глаза тупо, не мигая, уставились в окно. Через полминуты, словно не найдя ничего интересного, жеребенок устало уронил голову и закрыл глаза. Немного погодя он в первый раз попытался встать. Злодейка радостно закивала головой и поощряюще, ласково заржала.

Жеребенок вытянул шею, приподнялся, подался вперед и, запутавшись в собственных ногах, рухнул на солому. Отдохнув, он еще раз попытался подняться, но и на этот раз встать не удалось: опять подвели ноги. Они делали совсем не то, что требовал их обладатель. Только пятая или шестая попытка увенчалась успехом. Жеребенок, пошатываясь, стоял среди денника, с трудом удерживаясь на разъезжающихся во все стороны ногах. Теперь обнаружилось, что ноги были ему явно не впору. Непомерно толстые и длинные для его небольшого туловища, они казались чужими, случайно подставленными. Но, хотя жеребенок выглядел жалким и неуклюжим, он успел понравиться не только одной матери. Через решетку в дверях денника им давно уже любовался конюх Василий, пожилой мужчина со строгими чертами лица и с большой, с проседью, темной бородой.

Как только жеребенок встал на ноги, Василий осторожно вошел в денник. Злодейка захрипела и угрожающе прижала уши.

– Ладно, ладно, не тревожься, цел будет, не трону, – успокаивал он кобылицу.

Злодейка злым, настороженным взглядом следила за каждым движением Василия. От недавнего ласкового, ленивого покоя не осталось и следа. Она стояла сжавшись, подобрвав мускулы и напряженно, нервно

вздрагивала. Глаза сузились, и в них замелькали злые зеленоватые огоньки. Каждую минуту Злодейка могла броситься на человека. Тот, глядя в сторону, медленно приблизился к ней и протянул кусок сахара. После небольшого раздумья концами губ кобыла взяла сахар. Конюх долго оглаживал ее.

Злодейка постепенно обмякла, успокоилась, и в глазах ее опять затеплились ласковые желтоватые огоньки. Она хрупала сахар и терлась головой о плечо Василия, который осторожно, шаг за шагом приближался к жеребенку. Кобыла не протестовала. Подойдя вплотную к жеребенку, Василий сунул ему в рот палец. Жеребенок быстро зачмокал мягкими, теплыми губами. Тогда другой рукой Василий подтолкнул его под живот матери к самым соскам и отнял палец. Жеребенок потянулся следом, и теплое, душистое молоко полилось ему в рот.

Широко расставив негнущиеся ноги, жеребенок жадно тянул вкусную, душистую жидкость. Куцый, похожий на щетку для чистки керосиновых ламп, хвост раскачивался, как маятник.

– Хороший жеребенок, – сказал вслух Василий, стоя у двери и любуясь Браслетом.

– От Злодейки плохого не будет, – громким шепотом раздалось за его спиной.

Василий вздрогнул и обернулся. В коридоре, уцепившись руками за решетку денника, на двери повис конюх Сенька.

– Чего тебя раньше времени принесло?

Раскрыв рот до ушей, Сенька, сияя, глядел на вертящийся хвост, не достаивая Василия ни взглядом, ни ответом.

– Василий Титыч, – наконец обратил на него внимание Сенька.

– Ну? – недовольно отозвался тот.

– Сразу видать, что классный будет, – указывая на жеребенка, зашептал Сенька.

– Уходи ты от греха, – гнал Василий Сеньку. – Кобылу растревожишь, молоко пропадет.

– Я еще вчера заметил, что она беспокоится, – пропуская замечание мимо ушей, продолжал Сенька.

– Сам ты беспокойный! – рассердился Василий. – И в кого ты такой уродился, в прадеда, что ли, Семена Мочалкина? – задавал себе вопросы Василий. – Мировой наездник был. На самом Барсе Первом ездил. Сенька не отвечал.

– Василий Титыч, глядите, весь в Злодейку, – ткнул он пальцем в жеребенка. – И масть тоже, кажись, серая.

Василий, уставившись на Сеньку, молча его разглядывал, словно в первый раз увидев, потом проговорил:

– Крепкая ваша мочалкинская кровь. В пятое колено передается, – пробормотал он и добавил, кивнув в сторону жеребенка: – Гнедой будет, весь в отца. И голова отцовская. По отцу и назван – Браслет Второй.

Сенька уже не улыбался. Растянутое широкой улыбкой лицо сжалось и

от этого стало еще меньше. Маленькие, приютившиеся у самой переносицы глазки по-новому, недоверчиво и подозрительно, смотрели на жеребенка. Убедившись, что Василий сказал правду, Сенька отошел от денника.

Браслет I – единственная лошадь, которую Сенька не любил и боялся. Пять лет назад этот жеребец убил во время проминки заводского наездника и тренера Григория Мочалкина, отца Сеньки.

* * *

Каждый год двадцать третьего апреля, в день Георгия-великомученика, наступал торжественный час. Матки с новым приплодом выходили первый раз в поле.

На рассвете около маточного отделения собралось все население завода. Пришел хозяин в сопровождении священника. Последним появился верхом на белом от старости мерине Сенька, – ему недавно стукнуло четырнадцать. Сознание важности сквозило во всей его фигуре, от кончика носа до черных, как у негра, босых пяток.

Даже очень требовательный коннозаводчик Лысухин теперь им доволен. «Кровь не вода; из этого мальчишки выйдет толк», – говорил он, наблюдая, как Сенька без страха входил в любой денник и самые строгие и обозленные лошади охотно подставляли бока под его щетку.

В этом году Сеньке доверили пасти табун маток с жеребьятами.

Оставив мерина посреди двора и убедившись, что все в сборе, Сенька командует: «Открывать!» Широкий двор окаймлен конюшнями. Тяжелые дубовые ворота конюшен распахиваются, прежде чем замерла команда. В просветах широких ворот видны открытые денники и в них ряды маток с жеребьятами. Кобылы стоят головами к выходу и терпеливо ждут. Если бы не легкая дрожь да необыкновенно широко открытые, блестящие глаза, можно было бы подумать, что они совершенно равнодушны к предстоящему событию.

Сенька засовывает два пальца в рот и оглашает двор пронзительным свистом.

Свистит Сенька мастерски, замысловатыми коленцами и переливами.

Матки вздрагивают и одна за другой выходят на двор. Жеребьята бестолково мечутся у их ног.

Кобылы втягивают пряный весенний воздух и громко, радостно фыркают. Они еще держатся отдельными табунками, каждая у своей конюшни.

На середину двора к блестящему аналою мелкой рысцей трусит деревенский священник.

Василий кладет на аналой икону великомученика Георгия

Победоносца. Сенька медленно разматывает длинный бич и быстрым рывком выбрасывает в сторону руку. Бич извивается змеей и оглушительно щелкает над самой головой священника. Батюшка вздрагивает, приседает и недружелюбно посматривает на пастуха.

Кобылы сгрудились в один большой табун. Начался молебен.

Проглатывая концы, священник гнусавит малопонятные слова. Первый ряд маток стоит перед самым аналоем. Старые, опытные кобылы, пользуясь уважением в табуне, стоят в этом ряду. Они задумчивыми, влажными глазами смотрят на священника в блестящей парчовой ризе и в такт его возгласам раскачивают головами. Дальше матки помоложе. Здесь уже меньше покоя. Кобылы поминутно задирают головы кверху и с громким храпом тянут влажный, густо сдобренный ладаном воздух. У самых конюшен, сзади, кобылы сбились в нестройную кучу. Они сильно отличаются от стоящих впереди: ярче блестят глаза и торопливее, резче движения. Тела их стройны, и из-под кожи проступают не успевшие окончательно заплывть заводским жиром мускулы. Жеребята под ними выглядят случайными и чужими.

Это – молодежь. Кобылицы, впервые ставшие матерями. Их тела хранят еще следы ипподромной тренировки, а движения не утратили напряженной нервности, приобретенной в недавних боях.

Они ни минуты не стоят спокойно: топчутся на месте, фыркают, вертятся и громко, нетерпеливо ржут.

Сеньке надоел молебен. Он искоса поглядывает на священника. Ему тоже хочется скорее очутиться в поле.

Даже старый мерин выражает признаки нетерпения: Он выгибает шею, косит глазом на кобылиц и топает ногами, как заправский жеребец.

Сенька разбирает по статьям коня под великомучеником на иконе.

«Конек слабоват, бабки мягкие и саблист, – решает он. – Мой, хоть и старый, а этому на короткой дистанции полверсты фору дать может».

Струя холодной воды мешает дальнейшему изучению святого коня.

Молебен кончился. Священник, не жалея воды, обильно кропит ею пастуха и табун.

Сенька вытирает рукавом лицо и щелкает бичом.

Вперед табуна выходит Злодейка. Она – многолетний признанный вожак. Рядом с Злодейкой трусит крупный жеребенок. Землисто-бурая шерстка отросла на нем и завилась локонами. На спине обозначилась коричневая полоса. Жеребенок вырастет гнедой.

* * *

Рассвело. Бледный, худосочный месяц повис на очень высоком и чистом небе. Тонкий, прозрачный слой тумана медленно, нехотя отрывается от земли. Роса крупная, тяжелая, серебристая. Листья и травы набухли, отяжелели от росы и не в силах шелохнуться. Большой луг кажется покрытым толстым, жирным слоем ртути. Скоро покажется солнце. Тишина.

Но вот, приминая траву, из-под пригорка выскочил жеребенок. Высоко подбрасывая тонкие, точеные ноги, он бешеным галопом несется по лугу. Жесткие стебли щавеля хлещут его по ногам. Его маленькая породистая голова высоко поднята на тонкой, красиво изогнутой шее. Ноздри широко раскрыты. Пушистый хвост задран кверху.

Жеребенок ошалел от незнакомого пьянящего ощущения быстрого

бега, от непривычного простора и несется вперед, не разбирая дороги. Старая Злодейка перестала есть и поднялась на пригорок. Большие глаза ее непривычно строги. Она не отрываясь следит за сыном. Появись теперь малейшая опасность, и она, прижав уши и оскалив зубы, ринется к нему на помощь. Кроткая и ласковая кобыла мгновенно превратится в дикого зверя и будет рвать зубами и топтать копытами каждого, кто осмелится обидеть ее детеныша.

Жеребенок, не останавливаясь, мчится все дальше и дальше. Узкая полоса смятой безросной травы тянется за ним следом. Вот он с разбегу взлетел на высокий холм и как вкопанный замер на макушке. В груди у него громко бьется сердце. Широко раздуваются бока. Глаза затуманены. С минуту он стоит неподвижно, словно не понимая, где он и что с ним. Кругом зеленый простор и тишина. И от этого простора и тишины особенно гулко и радостно стучит сердце. Смутное, неясное ощущение пружинит мускулы и туманит глаза.

Жеребенок поднимает голову, задирает хвост и долго звонко ржет. Так ржет он в первый раз. Так ржали его далекие, не знавшие узды дикие предки, грозные вожаки степных табунов. В утреннем воздухе над зеленым лугом, долго переливаясь и дрожа, плывет залихватое ржание, и у далекого леса оно еще звенит, замирая тонким валдайским колокольчиком.

Но вот в ответ тревожно и глухо заржала Злодейка. Жеребенок вздрогнул. Секунда – и он, опустив голову и прижав уши, пулей мчится назад к матери, к табуну. И чем ближе табун, тем ровней и короче скачки. Еще минута, и жеребенок меняет аллюр – аллюр, на котором тысячелетия ходили его предки – на другой, недавно привитый человеком. Галоп переходит в рысь. Далеко вперед выбрасывая ноги, маленький Браслет на полном ходу врезывается в табун. С разбегу он тычется мордой под живот матери и долго жадно пьет душистое молоко.

* * *

В восемь месяцев Браслет II стал крупным, упитанным жеребенком. Материнского молока ему уже не хватало. Его начали прикармливать. Утром и вечером конюх отводил его в другую конюшню, где в просторном деннике его ждала каша из раздробленного овса и отрубей. В кашу вмешивали полдюжину сырых яиц вместе с размолотой скорлупой. На второе Браслет получал морковь.

Однажды поздним вечером Браслета отвели в чужой денник. Ночь он простоял, забившись в угол. Утром незнакомый человек повесил кормушку с едой и корыто с молоком. Браслет подошел к молоку и потянул воздух. От молока шел неприятный дух.

Браслет долго стоял у корыта, втягивал воздух и тряс головой. Наконец, решившись, концами губ, словно боясь обжечься, он ткнулся в корытце. И сразу же отдернул голову. Молоко имело неприятный вкус. Жеребенок отошел в угол и долго брезгливо фыркал. Через час его увели во двор. На дворе вместо большого табуна стояли полдюжина жеребят и знакомый белый мерин. Новый конюх загнал их всех в большую леваду с

нетронутой, высокой травой.

Браслет быстро свыкался с новой жизнью. Проголодав сутки, он набросился на кашу и морковь, а еще через день одобрил и коровье молоко. Остаток лета жеребят пропаслись на большом отгороженном лугу. Белый мерин ходил за няньку. Кроме няньки, в табуне был еще свой затейник – пестрая собачка неизвестной породы. Время от времени, яростно лая, она срывалась с места и гоняла жеребят по лугу. Задрав хвосты, перед ней табунком носились жеребята, нагуливая мускулы и развивая дыхание. Табунок быстро увеличивался. Ежедневно появлялись новые жеребята. Была поздняя осень, когда, возвращаясь с пастбища, жеребята столкнулись с табуном кобылиц. Впереди важно шла Злодейка. Браслет узнал мать и с радостным ржанием ринулся к ней. Злодейка даже не взглянула на него. Только когда жеребенок подлетел к ней вплотную и с разбегу ткнулся к соскам, Злодейка взвизгнула и, схватив его зубами за загривок, бросила на землю. Браслет вскочил с земли, обезумев от страха и боли, помчался прочь, назад в свой табунок, к старому мерину и пестрой собачке, спасаясь от материнских зубов и копыт. Кожа на загривке была у него вырвана с мясом. Хотя раны скоро зажили, но навсегда остались два рубца по обеим сторонам шеи – память о последнем свидании с матерью. Браслету исполнился год, когда в жизнь его вошел новый человек – тренер. В обычное время прогулки Браслета вывели в манеж. На этот раз к его уздечке привязали длинную веревку – корду. Незнакомый Браслету человек, стоя посреди манежа, держал в руках другой конец веревки. Он громко, словно откупоривая бутылку, щелкнул языком. Конюх дернул за недоуздок. Браслет вздрогнул и пошел по кругу. Конюх бежал рядом, держась за уздечку. Тренер, щелкая языком, покрикивал: «Хоу! хоу!..» На втором кругу конюх отстал. Браслет пошел один.

Скоро он познакомился с беговой сбруей и научился ходить на вожжах. Опытный и вдумчивый тренер умело прививал ему трудовые навыки, необходимые для его будущей беговой карьеры на ипподроме. Жеребенка не перегружали работой.

«Главное в тренировке – это заставить жеребенка любить работу», – говорил тренер. Браслет был на редкость способным учеником, и тренер не мог им нахвалиться.

* * *

Чрезвычайно важное событие случилось с Браслетом, когда ему перевалило за год. Утром, как обычно, на жеребенка накинули сбрую и вывели в манеж. Браслет деловито шагал, потряхивая головой, как взрослая лошадь. На кругу его остановили. Тренер непривычно туго затянул ремни седелки. Неожиданно сзади, над спиной Браслета, мелькнули в воздухе две толстые палки. Браслет рванулся вперед, увлекая за собой державшего его конюха. С большим трудом его удалось успокоить и поставить на прежнее место. Повернув голову, он недоверчиво оглядывался назад. К нему подкатили беговую качалку с высоко поднятыми оглоблями. Качалку Браслет видел много раз, и она его не пугала. Но когда снова повисли над

спиной оглобли, Браслет сжался и задрожал. Оглобли мучительно напоминали два толстых хлыста. Хлыста он боялся и ненавидел его всем пылом молодой породистой лошади.

Когда Браслета запрягли в качалку, конюх снял с него недоуздок.

Тренер стал позади качалки и тронул вожжи. Браслет шагнул вперед, но следом за ним потянулась качалка, и он сразу остановился. Качалка мешала свободно двигаться. Тренер подошел к нему, долго гладил по шее и угостил сахаром. Сахар Браслет съел охотно, но двинуться с места боялся. Тогда конюхи взяли его с двух сторон под уздцы и потянули за собой. Тренер подобрал вожжи и, настойчиво щелкая языком, посылал его вперед.

Браслет уступил. Качалка двинулась. Браслет шел в корню, два конюха – в пристяжке. Скоро пристяжные отпали. Браслет пошел один. На следующий день он спокойно дал себя запрячь и послушно пошел по дорожке. На третьем кругу качалка вдруг стала очень тяжелой. Чуть замедлив ход, Браслет оглянулся, – в качалке сидел тренер. Браслет не остановился. Такой груз уже был по его силам.

Глава вторая

Голая болотистая равнина, слегка запорошенная снегом. Месяц скользит по ухабам туч. Горячая тройка несется по промерзлой дороге.

Серебряный набор на малиновой сбруе. Серебряная дуга у коренника.

Тяжелые серебряные кисти свисают у пристяжных. Валдайский колокольчик заливается под высокой резной дугой. Валдайские бубенчики булькают без умолку на серебряных ошейниках пристяжных, Сенька сидит на козлах. На нем синий ямской халат, перетянутый широким малиновым поясом. Шапка с малиновым верхом и серебряным позументом. Вожжи малиновые с помпонами. Комья снега из-под копыт пристяжных с грохотом колотят по лакированным крыльям саней.

Грохоча и храпя, мчатся кони. Кольцами завились пристяжные. У коренника круторебрый стан. Сухие, короткие ноги. Шея тонкой лентой изогнулась под высокой дугой. Небольшая, точеная голова с огненными навывкате глазами. Тройка хорошо съезжена. Ноги коней отбивают равномерный ритм. У Сеньки от быстрой езды захватывает дыхание.

Холодный ветер колет и щиплет лицо. Сенька молодецкато тряхнул головой и, приоткрыв рот, набирает воздух. Еще секунда – и лихой ямской присвист покатится, переливаясь, по снежной равнине. Но вот большой ком снега с размаху ударяет его в лицо и залепляет рот, и мгновенно холод, как петлей, сдавил горло. Сенька задохнулся и озяб. Окоченели руки. Пальцы уже не чувствуют больше вожжей. Тройка подхватила и понесла. Сенька испуганно оглянулся на седока. Сильно кидает и трясет сани. Седок, Лысухин, сидит неподвижно, ничего не замечая. У него низко на лоб надвинута шапка и поднят воротник. Сенька хочет крикнуть: «Помогите!» – и не может.

Тройка шарахнулась в сторону, ковровый возок летит под ухаб. Падая, Сенька заметил, что посередине дороги в луже застывшей крови, ничком, лежал человек.

«Отец», – узнает лежащего Сенька. И в то же мгновение летит кувырком.

Сенька очнулся. Сел и долго не мог понять, что с ним и где он. Руки нащупали сено. Сено набилось в рот, уши и за рубашку. Сенька ооченел от холода. «Приснилось», – догадался и обрадовался он. На стене раскачивался фонарь, освещаая внутренность товарного вагона, связки сена, мешки с овсом и Браслета II, привязанного за перегородкой. Колеса, лязгая, стучали по стрелкам. В открытом люке мелькали огни фонарей.

Поезд, в котором трехлетний Браслет и семнадцатилетний Сенька ехали на выучку к знаменитому наезднику, подходил к Петербургу.

Скоро незнакомые люди выгрузили Браслета и повели на новое место.

Город еще только просыпался. Но Сеньку и Браслета он глушил шумом и пугал суетой. Браслет шарахался на каждом шагу и, сдерживаемый с двух сторон на поводах, шел, неловко переступая застоявшимися ногами. Сенька вздрагивал от каждого автомобильного гудка и испуганно водил по сторонам глазами. Казалось, что у него вот-вот, как у Браслета, задвигаются от испуга уши.

Скоро их привели на огромный двор, в глубине которого расположились ряды кирпичных красных конюшен. Конюшни и двор Сеньке напоминали завод. Городской шум сюда едва докатывался. По широкому кругу водили взмыленных лошадей. В конюшнях лошади хрупали корм.

Браслета поставили в просторный, светлый денник, сияющий чистотой и порядком. Браслет вертелся по деннику, недовольно фыркал и пытался заглянуть в широкое – на полстены – окно. Сеньку отвели в общежитие. В комнате, величиной с денник, в ряд стояло полтора десятка кроватей-топчанов. Сенька устроился в углу на полу. Вечером, когда возвратились с работы конюхи, оказалось, что этот угол уже занят. Тогда Сенька переселился к самой двери. На пол бросил мешок, набитый сеном, а взамен одеяла ему дали старую, но не очень дырявую попону, насквозь пропитанную лошадиным потом. Из дверей дуло. В потемках сожители часто натыкались на Сеньку и не раз больно давили ему руки и ноги. Сенька терпел и не жаловался, но как-то сильно подвыпивший конюх, споткнувшись о спящего Сеньку, свалился и зашиб себе ногу. Поднявшись, он сгрел Сеньку за ворот и вынес за дверь вместе с потрохами – мешком и попонкой. Над мальчиком сжалился ночной сторож конюшни Рыбкин и приютил его до утра.

С этой ночи и началась дружба Рыбкина с Сенькой. Рыбкину перевалило за восемьдесят. В прошлом Рыбкин – один из лучших русских наездников. Теперь очень трудно было бы представить его в этой роли. Никогда не отличавшийся большим ростом, он к старости сморщился и стал еще меньше. Зимой и летом ходил он в высоких, не по росту больших валенках, плисовых шароварах, в тиковом пиджачке и картузе с большим козырьком, в праздничные дни надевал еще добротный синий казакин, крытый гвардейским сукном. Картуза он никогда не снимал. Лицо у

Рыбкина маленькое, сморщенное, но всегда чисто выбритое. На этом маленьком, обыкновенном лице одна запоминающаяся «деталь» – усы. Это были самые обыкновенные усы, в меру длинные, свисающие книзу. Но у старика была дурная привычка: непрерывно жевать. Жевал он даже во сне, медленно, непрерывно двигая губами. По движению усов Сенька скоро научился безошибочно узнавать настроение старика. Если усы двигались быстро – значит, старик был чем-то недоволен и сердился. При хорошем настроении усы путешествовали плавно, не спеша, с задержками на конечных пунктах маршрута. Со стороны казалось, что усы живут своей особенной, отдельной от Рыбкина жизнью.

Вечером в конюшне было уютно и тихо. Только из денников доносился монотонный хруст да по временам глухо во сне ржала лошадь. Угольная лампочка над ларем освещала красноватым светом часть коридора и решетки ближайших денников. Рыбкин подсаживался на ларь и рассказывал Сеньке бесконечные истории о лошадях, наездниках или надевал на нос очки и медленно, с паузами после каждого слова, читал вслух старые номера спортивных беговых журналов. Чтение часто прерывалось длинными разъяснениями и воспоминаниями. Так Сенька незаметно усвоил много ценных сведений по беговому делу.

За свою жизнь Рыбкин побывал на гастролях почти во всех крупных городах Европы, но помнил их плохо. Для оценки городов у него было одно незыблемое мерило: качество бегового грунта и круга. Он мог описать самым подробным образом, с мельчайшими деталями, устройство всех беговых дорожек, на которых он когда-либо ездил. Помнил их размер, грунт, устройство виражей.

Всю жизнь Рыбкин провел в конюшне. Начав карьеру конюшненным мальчиком, он постепенно дошел до старшего конюха, помощника наездника и, наконец, наездника. Состарившись, он продолжал тот же путь, но уже в обратном порядке, и напоследок утвердился на низшей ступеньке служебной лестницы – ночным сторожем конюшни.

Он был одинок и без лошадей и конюшен жить не мог. Он знал всех наездников не только России, но и Европы и еще лучше знал родословные лошадей.

Осмотрев и ощупав Браслета II, старик заявил, что из жеребенка должен выйти большой толк, и, помолчав, добавил:

– Ежели не сломают раньше времени, черти.

Через несколько дней после приезда, утром, когда Сенька чистил Браслета, в денник вошел широкоплечий, высокий человек. Ему было лет тридцать с небольшим. На румянном, гладко выбритом лице сидели большие серовато-голубые глаза. Нос крупный, а из-под мясистых губ выглядывали широкие, редкие зубы. Вперед выпирал крепкий, тупой подбородок. Сенька уже знал, что это знаменитый наездник Африкан Савин. Он остановился в дверях и несколько минут наблюдал за работой Сеньки. Сенька кончил чистку. Тогда наездник вошел в денник и рукой в белой перчатке провел по шерсти Браслета. На перчатке не осталось ни пылинки. Шерсть блестела и

отливали медью.

– Собери, – приказал Африкан.

Сенька быстро накинул сбрую. Наездник внимательно следил за работой. Он стоял в дверях и не подумал посторониться, когда Сеньке понадобилось выйти из денника. Сеньке пришлось протиснуться в узкую щель.

– Покажи удила, – сказал Африкан.

Удила ему не понравились. Он заставил Сеньку принести целую связку удил и выбрал одни, толстые, обшитые замшей.

– Запомни, эти будут ходить на нем. Бинтовать не надо, – остановил он Сеньку.

– А напятники? – осмелился спросить Сенька.

– Не надо.

– Нагавки?

– Нет.

Лошадь была собрана.

– Веди! – скомандовал наездник.

Конюшня была недалеко от ипподрома. Свернули в широкий тупик Николаевской улицы. Слева настезь открытые ворота с резными лошадиными головами наверху. Браслета и Сеньку привели сюда в первый раз.

В упряжном сарае Браслета запрягли в качалку. Африкан шагом въехал на круг.

Вороных, гнедых, серых лошадей тренировали на кругу. Увидев их, Браслет вытянул шею и радостно заржал. Свернули на главную дорожку. Савин пустил Браслета тихим тротом. Жеребенок шел, сильно приседая на задние ноги и приплясывая на ходу. Большой плац с мятущимися во все стороны лошадьми ему явно понравился. Он вертел головой и ржал не переставая. Осторожно натянулись удила. Браслет почувствовал незнакомую руку и недовольно затряс головой. Мимо, храпя и разбрызгивая пену, пронесся крупный вороной жеребец. Браслет вздрогнул, как от удара, и рванулся следом. В ту же секунду, без рывка, плавно натянулись вожжи и больно впились в углы рта удила. Браслет осел на задние ноги и затоптался на месте. Савин ослабил вожжи и щелкнул языком. Браслет не шел. Савин подождал. Простояв с минуту, Браслет сам двинулся вперед, забирая ход и прося вожжи. Тяжелая, словно железная рука держала концы вожжей и вжимала удила в рот. Браслет рвался вперед, тянул, но мог идти только вразмашку. Но вот наездник ослабил вожжи и послал быстрее. Браслет сразу принял посыл и рванулся вперед. Щелкнул секундомер. Тоненькая стрелка сорвалась с места и, четко отбивая ритм, понеслась по кругу. Каждую секунду резкий удар. Каждый удар – миллиметр расстояния на гладком кругу циферблата. Треск пружины ударил по нервам и прозвучал как вызов. В ответ гулко и четко заходило в груди сердце. Каждую секунду удар. Каждый удар – сильный бросок вперед. Каждый бросок – четыре метра на беговом кругу. Молодое,

трепетное сердце весело спорит с маленькой металлической пружиной. С каждым пройденным метром у Браслета сильнее бурлит кровь и растут силы. Отставив хвост и вытянув шею, он мчится вперед. Пятьдесят шесть раз прыгнула стрелка и почти обернулась вокруг оси. Ровно полкруга прошел жеребенок. Легкий нажим пальца на пружинку – последний резкий щелчок, и стрелка послушно замерла. Браслету трудно остановиться. Савин уперся ногами в проножки и тянет к себе. Удила впились в рот, рвут губы и задирают голову. Ноги дрогнули и сдали. Жеребенок покорился и перешел постепенно на шаг. Но сердце не хочет успокаиваться. Оно громко стучит в груди. Савин повернул Браслета и таким шагом съехал с круга.

– Хорошо растереть «флюидом» и водить, – приказал он. И через минуту добавил: – Будет толк. Через месяц запишем на приз.

* * *

Крепкий декабрьский морозец. Цокая по льду острыми шипами подков, носятся по дорожке рысаки. Разыгрываются крупные, многотысячные призы. Обе трибуны петербургского ипподрома набиты битком. В центре трибуны, в ложах, – шубы, меха, туалеты, которые стоят тысячи. Чем дальше от центра, тем беднее и проще. В закрытой ложе, «стеклянном членском фонаре», сидят действительные члены Общества рысистого коннозаводства – знать, маститые коннозаводчики.

Старичок в генеральском мундире, с иконостасом медалей на груди, десятый раз спрашивает Лысухина:

– Вашу лошадку-то как кличут?

– Браслет Второй, – десятый раз вежливо отвечает Лысухин.

Генерал – важная особа. Сорок лет подряд заседает он в Государственном совете, у него громкий титул.

На Лысухине военная форма. На плечах полковничьи погоны. Он волнуется и часто смотрит на часы. Через несколько минут разыгрывается зимний вступительный приз для трехлеток. У Браслета II много оснований для успеха, но по жребью он идет шестым номером, крайним с поля, а это ухудшает условия.

В упряжном сарае старший конюх и Сенька собирали Браслета на приз. Два месяца ипподромной тренировки сильно изменили жеребца. Коротко, под машинку, стриженная шерсть заблестела, как лакированная. Из-под кожи выпирали мускулы. Жеребец выглядел худоватым. Глаза утратили прежнее доверчивое, жеребячье выражение, стали суше и строже. – Готово, – доложил старший.

Затрещал звонок. Наездник еще раз проверил сбрую, забрался в качалку и скомандовал:

– Открывай!

Сенька побежал рядом с Браслетом и в воротах на ипподром на ходу закрепил чек. Браслет выехал на беговой круг. Толпы людей у барьера и непривычный шум волновали его. Он дышал порывисто и неровно. Музыка духового оркестра пружинила ноги и навязывала ему свой ритм. С поднятой головой и блестящими от возбуждения глазами прошел он мимо

трибун. Публика разглядывала новую лошадь, обсуждая ее стать и достоинства.

Проехав полкруга, Савин повернул Браслета и подвел его к небольшой трибунке с сердитым человеком наверху. У человека был громкий, с хрипотцой голос и красный флаг в руке. Шесть лошадей парами прошли мимо сердитого человека. Он что-то прокричал, и Савин повернул Браслета влево. Браслет очутился в шеренге вместе с пятью другими лошадьми. Сразу ослабли вожжи. Савин посылал Браслета вперед. Браслет рванул и вылетел из шеренги.

– Назад! – закричал человек на трибуне.

Удила впились в углы рта. Наездники остановили и повернули лошадей. Еще один поворот влево, новый посыл вперед, и человек на трибуне крикнул: «Пошел!» – и взмахнул флажком.

Где-то гулко ударил большой колокол. Шесть лошадей в ряд дружно несутся по дорожке. Браслет нервничает и каждую минуту готов сбиться и заскакать. Но наездник предугадывает малейшие желания и заставляет идти ровной рысью. Только в конце дистанции Браслету с огромным трудом удается чуть-чуть вырваться из шеренги. Впереди – свободное пространство.

– Вперед, сильнее! – передается команда от Африкана по вожжам через удила к Браслету.

Браслет старается изо всех сил. Видно, что он очень устал. Пот густыми мыльными хлопьями облепил сбрую. Столбы, сорвавшиеся с места, мчатся навстречу. Ветер щекочет нос и горло. Впереди и сбоку волнуется и гудит толпа. Сзади слышится приближающийся стук копыт. Засбоившая ворона в начале бега теперь сильным финишем старается обойти Браслета, но она тоже сильно устала. Глаза ее выкатились из орбит. Дыхание хриплое и порывистое. Но все же кобыла догоняет Браслета. Браслет стрищет ушами, нервничает, и ход его сразу утрачивает четкость. Тихо, но властно, в ритм бега зашевелились удила. Браслет выправляет ход и идет быстрее. До столба несколько метров. Савин поднимает вожжи и чуть-чуть ударяет Браслета по спине хлыстом. Браслет бросается вперед и проходит столб первым, опередив на голову вороную соперницу. Наездники сдерживают лошадей. Браслет потемнел от пота и дышит неровно, с хрипом. Его отводят в сарай, растирают, снимают сбрую, набрасывают попону и снова ведут на круг. Оркестр навстречу гремит маршем. Напружинив мускулы и отставив хвост, с выгнутой шеей проходит Браслет мимо трибун. Передние ноги уверенно отбивают четверти, выцокивая по льду ритм марша. Задние дробят восьмушками. Африкан Савин идет следом. Рука с хлыстом поднята к козырьку жокейского картуза. Служитель в черной с золотом ливрее распахивает узкую калиточку в барьере. Администрация и судьи медленно, друг за другом, спускаются на дорожку. Деревянная лесенка тонко и противно скрипит под их грузными телами. Первым спускается маленький ревматик-генерал. Лысухин замыкает шествие. Браслета подводят к ним. Конюх снимает с него попону.

Холод приятно свежит разгоряченное тело. Браслет приплясывает, играет на поводу. Сенька сдерживает расходившегося жеребца. Он опытный конюх и умеет показать товар лицом. На Сеньке новый форменный пиджак и шапка с галуном. Стольких важных господ вместе он никогда не видел. Он силится пересчитать медали и кресты на груди генерала. Генерал не стоит спокойно на месте, щелкает шпорами и козыряет дамам. Сенька соображает: «Старичка собрать труднее, чем Браслета. Сбруи больше. Мне бы не суметь. Пойми тут, что к чему».

Генерал кашлянул. Сенька взглянул ему в лицо и хватил воздух, как рыба, вытащенная на лед. Ему показалось, что перед ним в генеральском мундире стоит Рыбкин. Те же слезящиеся глаза, знакомые морщины и даже усы. Генерал жевал жвачку. Моржовые усы, рыже-чалой масти скользили по лицу, как на роликах. Сенька фыркнул и в ту же минуту поймал себя за нос. Оркестр гремел оглушительным тушем, аплодировала публика, судьи и администрация, поздравляя, жали руки Лысухина и Африкана Савина. Сенька сделал вид, что сдерживает Браслета, и повернулся спиной. Он фыркал, чихал, борясь с приступом смеха, но на него, к счастью, никто не обращал внимания. Только Браслет повернул голову и, недоумевая, смотрел на своего приятеля.

Полная дама протянула через барьер руку с кульком. В кульке были шоколадные конфеты. Браслет первый раз попробовал шоколад и сразу оценил его вкус.

Возвращаясь в конюшню, Сенька столкнулся в дверях с Рыбкиным и взвизгнул; повод выскользнул у него из рук. Браслет сам вошел в открытый денник.

– Ты что... что ты? – испугался Рыбкин.

Сенька сидел на полу и заливался диким хохотом. Старик сунул ему под нос стоящее рядом ведро с водой и ласково уговаривал:

– Глотни, глотни. Ну что, полегчало? Что с тобой приключилось? – волновался Рыбкин.

Он присел на корточки и, наклонив голову, заглянул Сеньке в глаза.

Увидев у самого своего носа шевелящиеся усы, Сенька толкнул старика в грудь и упал навзничь, выкрикнув одно только слово:

– Генерал!

Рыбкин не на шутку перетрусил и растерялся. Будь это лошадь, он, ни минуты не задумываясь, знал бы, что надо предпринять. Но людей лечить он не умел. И он прибегнул к испытанному средству. Проворно сняв со стены длинный английский хлыст, он вытянул Сеньку вдоль спины.

Средство оказалось верным. Сенька

- умолк, вскочил и шарахнулся в сторону.

– Ты что, очумел? Старый черт! – уже своим голосом закричал он, удирая.

Но Рыбкина одолел азарт. Он трусил следом за Сенькой, норовя стегнуть его по ногам. Сенька юркнул в денник к Браслету и притаился в

углу. Он знал, что старик побоится испугать лошадь и с хлыстом в денник не войдет.

Рыбкин долго караулил, притаившись у дверей. Усы его хищно шевелились, как у старого кота над мышьиной норкой. Наконец старик сплюнул и отошел, но Сенька не решался вылезти из денника и заночевал в нем. Устраиваясь в углу на ночь, он нащупал в кармане пиджака кулек из-под конфет, подарок дамы. На дне кулька остались две конфеты. Сенька разделил их по-братски по одной. Браслет свою съел мгновенно. Сенька долго вертел конфету в руках, не решаясь попробовать. Ему не нравился ее цвет. Он видел и ел конфеты разных сортов, но все они были розовые, красные, белые, зеленые, полосатые, только коричневых ему встречать не приходилось.

«Как видно, для лошадей такие делают», – догадался он наконец. И, подтверждая догадку, Браслет на лету выхватил конфету из его рук. Десять месяцев пробыл Браслет на ипподроме. За это время он сильно вырос и из жеребенка превратился во взрослую лошадь.

За десять месяцев он выиграл тридцать с лишним состязаний.

Проигрывал Браслет редко. Он полюбил борьбу и понимал в ней толк. Публика, посещавшая бега, хорошо знала Браслета II. Среди однолеток он считался фаворитом. Но наездник последнее время стал замечать, что Браслет сильно сдает и победы даются ему не так легко, как прежде. У жеребца пропала былая горячность. Временами после работы он казался совсем вялым и неохотно принимал посыл.

Браслета готовили к большому четырехлетнему призу. Выиграть это состязание – значит, десять тысяч в карман хозяина, крупный куш и слава наезднику, четвертной билет старшему конюху, красненькую ковалю, трешку уборщику и звание победителя Браслету II.

Все же после контрольной езды Савин сказал Лысухину:

– Я бы не советовал вам записывать Браслета на большой приз.

Жеребцу нужен отдых. Он очень много работал. Если предложат резвую езду, его не хватит на дистанцию.

– Теперь поздно говорить, – ответил Лысухин. – Браслет Второй уже записан. К тому же я склонен думать, что вы сгущаете краски. Наездники всегда ищут порок у лошади, чтобы застраховать себя в случае неудачи, уменьшить ответственность, – улыбаясь, говорил Лысухин.

– Я считал своим долгом сказать вам свое мнение, прошу меня извинить, – откланялся Африкан.

За месяц до приза Савин стал ежедневно появляться с утра на конюшне и тренировал Браслета, хотя у него был целый штат помощников и подручных, которые несли черновую работу. Сам он ездил только на контрольные работы и на призы.

Шансы Браслета у знатоков стояли высоко. Его считали лошадью большой силы и пророчили ему верный выигрыш. Сомневающихся было немного. Не верили в выигрыш только двое: Африкан Савин и ночной сторож конюшни Никандр Рыбкин. Оба они понимали, что лошадь

нуждается в отдыхе.

До приза оставалось две недели. В шестом часу утра Савин выехал на ипподром, проехал два круга тихой рысью и, поравнявшись с местом старта, пустил Браслета врезвую. Браслет принял. Два секундомера щелкнули одновременно. Один, крохотный, последней и самой совершенной конструкции, тоненько звенел, уюмившись между большим и указательным пальцами на левой руке Савина, другой, похожий на будильник, допотопной формы, оглушительно отщелкивал секунды, покоясь на заскорузлой ладони Рыбкина. Браслет, напрягая мышцы, летел по дорожке. Рыбкин не мигая уставился на циферблат.

– Сорок одна, сорок две, – измеряя секундами полуверсты, Савин косил глазом на секундомер.

– Без одиннадцати, без двенадцати, – шептал Рыбкин.

Браслет, принявший очень резво, стал сдавать. Наездник энергично посылал его вперед, но с каждым метром Браслет убавлял резвость.

– Сорок восемь, – тоскливо отметил наездник последнюю полуверсту. Рыбкин щелкнул пружиной. Он долго глядел на застывшую стрелку и, словно усомнившись в честности испытанного старого секундомера, покачивал укоризненно головой.

Африкан слез с качалки расстроенный. Он сердито ворчал на конюхов и тыкал Браслета пальцем, ощупывая плечи и круп. Припав ухом к боку, он слушал, как работает сердце. Результатами осмотра, очевидно, остался недоволен.

Кончив осмотр и не сказав ни слова, он вышел из конюшни.

Проводив сочувственным взглядом Африкана, Рыбкин вошел в конюшню. Два дюжих конюха массировали Браслета. Он чуть-чуть покачивался из стороны в сторону под нажимом здоровенных ладоней. Рыбкин подошел к Браслету и, пощупав плечи и круп, послушал сердце.

– Плечи вот тут поразотрите летучкой, – сердито бросил он конюхам и совсем тихо добавил: – Пропадет лошадь ни за что. Сломают ее.

Пока Сенька водил Браслета по двору, Рыбкин глядел на лошадь, сидя на скамеечке у конюшни. Он хмурил брови и особенно энергично водил усами. Казалось, что старик ведет затяжной спор с невидимым противником. Проходя мимо, Сенька услышал:

– Если примут резво, кончится на второй половине. Будут гнать – сломают лошадь. А приза все равно не возьмет. Замотали, дьяволы.

* * *

Наступил день большого четырехлетнего приза. Его оспаривали восемь лошадей. Публика занимала места уже за час до начала состязания. Знатоки, наседавая друг на друга, горячились и спорили, обсуждая шансы. Браслет был фаворитом. За ним установилась репутация лошади сильной, послушной и резвой – лошади большого класса.

Знатоки, завсегда таи бегов, авторитетно превозносили его достоинства, разбирали породу до седьмого колена и пророчили ему выигрыш сегодня и блестящее будущее в дальнейшем. Другие, тоже

знатоки и авторитеты, с таким же азартом, размахивая руками и колотя себя в грудь, уверяли в неизбежном провале Браслета и превозносили достоинства другого фаворита – караковой кобылы.

За полчаса до приза Сенька после проминки водил Браслета по двору. Впереди водили стройную караковую кобылу. Кобыла очень нравилась Браслету. Он крутил головой, рыл землю копытом, выгибал шею и всеми доступными способами выражал свое восхищение, стараясь с ней подружиться.

И когда его уводили в сарай запрягать, он упирался, оглядывался и ласково, призывно ржал.

Через десять минут они снова встретились на беговом кругу. Браслет, взволнованный предстоящей борьбой, с собранными мускулами, напряженными нервами, даже не взглянул на кобылу. Он волновался, дрожал, покрывался от волнения преждевременным потом.

Ударил колокол. Лошади со старта кучей ринулись вперед. Мгновенно вперед вырвались две лошади и пошли рядом. Фаворитка – караковая кобыла – сбилась сразу после звонка и отпала. Крупный вороной жеребец с горбатым носом и большой головой захватил ленточку. Серая кобыла с красивой шеей, необыкновенно высоко подбрасывая ноги, шла с ним рядом. Браслет шел сзади – третьим. Савин экономил силы Браслета и вел его осторожно, срезая углы и сокращая дистанцию. Маленький, похожий на индуса наездник в желтом камзоле на вороном жеребце нервничал и вертел головой. Руки, сжимавшие петли вожжей, вздрагивали не в ритм бега. Серая кобыла, наседавшая справа, беспокоила его мало. Выдохнется скоро! Он уже не раз объезжал ее на своем вороном жеребце. Но наездник слышал размеренный топот сзади и ровное дыхание одной, ни на шаг не отстающей лошади. Других лошадей близко не было слышно. Маленького наездника мучил вопрос, кто эта сзади ни на шаг не отстающая лошадь на ровном ходу с молчаливым наездником? «Только бы не Африкан», – тоскливо думал он.

Неизвестность лишала его уверенности. Он чуть-чуть убавил резвость, стараясь вынудить неизвестную лошадь пойти третьим колесом, но лошадь продолжала спокойно идти сзади. Серая кобыла решила воспользоваться моментом и стала обходить жеребца. Маленькому наезднику пришлось сильно послать вперед вороного, чтобы оттеснить соперницу. Прошли полдистанции. Не в силах больше владеть собой, маленький наездник, воспользовавшись поворотом, быстро обернулся. На метр от себя он увидел голову Браслета и сзади, на большом просвете, – остальных. Маневр был рискован, но наездник не мог удержаться. «Вторым придет», – мелькнуло в голове. Вороной почувствовал заминку и рванулся вперед. Маленький наездник схватился за вожжи, силясь предупредить сбой. Серая кобыла круто взяла налево, на ленточку. Вороной, выбрасывая ногу, ударил колесо на качалке соперницы и, сплющив его, сам окончательно сбился и заскакал. Перед Браслетом открылась свободная дорожка. Как огромные гнезда встревоженных шмелей, загудели трибуны и сразу смолкли.

Африкан не пользовался неожиданной удачей. Он сдерживал рвущегося вперед жеребца. Другие лошади стали подходить сзади. Секунда, другая – оставшиеся лошади поравнялись с сдерживаемым на вожжах Браслетом, обходят его и занимают ленточку. Несколько секунд на трибунах стоит мертвая тишина. Знатоки и болельщики, выпучив глаза, смотрят на знаменитого наездника и фаворита-жеребца и ничего не могут понять. Вдруг, разрезая напряженную тишину, с верха рублевых трибун громовым раскатом звучит густой бас:

– Жулик!

И, как по сигналу, с разных мест раздалась сотня свистков. Публика рванулась к барьеру и, размахивая руками, иступленно вопила. Слова тонули в общем гаме, сливаясь в один вой. Издали казалось, что тысячи прикованных к скамьям людей стараются вырваться из охваченного огнем здания. Пожилой рыжебородый, похожий на мясника человек, засунув в рот два пальца, оглушительно свистел, свесившись через край барьера. Свиста Африкан не слышал. Он видел только черные, как у негра, руки и раздувшиеся до отказа малиновые щеки. Яблоко пролетело над самой его головой. Браслет вздрогнул и стал мельчить шаг. Африкан перевел вожжи, строго приказывая идти ровно.

Лошади подходили к концу. Наездники поднимали вожжи, взмахивали хлыстами, горячили лошадей, но Африкан, казалось, забыл, что он на призу, и, продолжая ехать в спину, сдерживал лошадь. Рыбкин испуганно захлопал глазами, побледнел и, поймав губами кончик уса, пригвоздил его к месту. До столба не осталось и двухсот метров, а Африкан все еще сдерживал лошадь.

«Скандал, – взволновался старик. – Передержал. Теперь поздно».

Он сильно вздохнул и забыл выдохнуть. Перед глазами пошли синие и красные круги, а дорожка с лошадьми поплыла, как огромная карусель. Старик уцепился за перила, чувствуя, что сейчас грохнется на пол. Теряя сознание, он увидел, что все лошади на карусели, вытянув шею и быстро перебирая ногами, стояли, не двигаясь с места. Только одна, с развевающимся хвостом и гривой, летит по кругу мимо замерших на дорожке лошадей. Рыбкин с хрипом выдохнул воздух. Дорожка покачнулась и разом остановилась.

На трибунах уже стояла мертвая тишина. Люди застыли, вытянувшись как на параде, и следили за неожиданным финишем. Казалось, что у Браслета разом выросли крылья. Но метров за пятьдесят до столба он стал выдыхаться. Африкан поднял вожжи и стегнул его хлыстом. Вытянув шею до последней возможности, напрягая мускулы, Браслет весь тянулся вперед, но силы его таяли на глазах у публики. Другая лошадь выскочила вперед и стала уверенно его обходить. Браслет увидел караковую кобылу и мгновенно ощутил непреодолимое желание броситься на нее. Злоба сделала то, чего не могли сделать ни хлыст, ни Африкан, ни сам Браслет. В последний раз напряглись размякшие мускулы и превратились в стальные. Он рванулся с невиданной силой и пролетел столб первым, на полголовы

опередив соперницу. Другого такого финиша припомнить не могли знатоки. Наездники повернули лошадей и съезжали с круга мимо трибун.

Публика неистово кричала и хлопала в ладоши. Африкан, улыбаясь, раскланивался, отвечая на приветствия. Он был бледен, и крупные капли пота скатывались с его лба. Через весь ипподром с верха рублевых трибун гремел знакомый бас, покрывая выкрики и хлопки:

– Bravo! Bravo! Молодец!

Рыжебородый огромный дядя, оглушительно хлопая черными руками, стоял у барьера.

Когда Африкан слез с качалки и пошел на весы, Рыбкин заметил, как сильно у него дрожали руки. Носовой платок он сунул мимо кармана и не заметил этого.

Браслет стоял рядом, покрытый мылом. С неровным шумом поднимались и опускались бока. Ноги дрожали мелко и часто. На выводке он шел следом за Сенькой, не интересуясь ни аплодисментами, ни шумом. В глазах у него застыли усталость и тоска.

* * *

После приза Браслет начал прихрамывать. Ветеринар нашел растяжение мускулов плеч и крупа.

– Без отдыха гоняли, пока не перетянули, ироды, – определил Рыбкин.

– Выходится, – решил Лысухин.

Браслета лечили. Два раза в день массировали поврежденные места.

Ветеринар впрыснул ему под кожу жидкость, от которой вспухли лопатки и суставы на ногах.

Недели через две Браслет перестал хромать, и его первый раз попробовали работать махом. Помощник Африкана проехал два-три круга, ослабил вожжи и послал жеребца на мах. Браслет пошел широкой размахкой. Помощник щелкнул языком и отпустил вожжи, заставляя жеребца идти резвее, но Браслет шел только размахкой, упорно не слушаясь. Помощник съехал с круга. Через полчаса он снова появился на нем. В руках у него был длинный английский хлыст.

– Жеребенок на все четыре ноги жалуется. Зачем они его мучают? – возмущался Рыбкин.

Седок взмахнул хлыстом и щелкнул языком. Браслет рванулся и сразу заскакал.

– Гляди, скакать начал, – плакался Сенька, тормоша Рыбкина.

– Бежать больно, оттого и скачет, – сказал Рыбкин.

Помощник остановил Браслета и, вернувшись на прежнее место, опять послал его врезую. Браслет не принял и пошел тихой рысью.

Тогда седок подался вперед и с силой ударил Браслета хлыстом.

Жеребец замотал головой и пошел быстрее. Лицо у ездока расплылось в довольной улыбке. Но, поравнявшись с воротами, Браслет на полном ходу повернул вправо и влетел во двор. Качалка с треском ударилась о косяк и разлетелась. Все это произошло с молниеносной быстротой. Седок не успел даже испугаться, как уже лежал, растянувшись на земле. Браслета

задержали во дворе и повели распрягать. Неудачный ездук поплелся следом, ругаясь и прихрамывая. У конюшни его встретил наездник. – Лошадь сошла с ума, она разбила качалку и чуть не убила меня, – жалобно сказал помощник.

– Почему же вы сразу не съехали с круга? Лошадь не должна чувствовать, что она сильнее, – орал всегда спокойный Африкан на своего помощника. – Теперь я должен в третий раз ехать на нем на круг. Заведи лошадь в конюшню, закрой ворота и подай хлыст, – приказал он Сеньке. Сенька подал хлыст. Африкан спокойно, без злобы, стегнул несколько раз Браслета хлыстом. Браслет метался и дрожал при каждом ударе. Третий раз Браслет вышел на круг. Сам Африкан Савин сидел в качалке. Очутившись на дорожке, Браслет, не дожидаясь посылы, рванулся и понес. Африкан откинулся назад и почти повис на вожжах. Разбрызгивая пену, храпя, Браслет несся по кругу. Мыло пышными хлопьями повисло на сбруе. Удила рвали рот, но он уже не чувствовал боли. По кругу раздался тревожный крик:

– Берегись!

Наездники, торопясь, съезжали в сторону.

По большой дорожке, закусив удила, неслась обезумевшая лошадь.

Она неслась прямо на забор и каждую минуту могла убить наездника и убиться сама.

Но вот Браслет разжал зубы. До забора не оставалось и десяти метров, когда, почувствовав ослабление вожжи, он чуть-чуть отпустил удила. И в то же мгновение Африкан изо всей силы потянул к себе вожжи и, упираясь в стремя, разогнулся, как пружина.

Изо рта Браслета брызнула кровь. Он захрипел и грохнулся на песок вместе с качалкой. Мгновенно сбежались люди и окружили упавшую лошадь. Браслет лежал не двигаясь, откинув голову, и тяжело дышал...

Африкан встал с земли, отпустил подпругу и подтянул уздечку. Браслет открыл глаза, поднял голову и посмотрел на людей, словно проснувшись. Африкан ласково похлопал его по шее и дернул еще раз. Браслет поднялся и теперь стоял, дрожа и пошатываясь. К потным бокам прилип толстый слой песка. Капли крови медленно скатывались с губ. Рыбкин взял его под уздцы и повел в конюшню. Сенька сзади поддерживал разбитую качалку. В конюшне Рыбкин сказал, ни к кому не обращаясь:

– Такой наездник, и такой дурак!

На следующий день между хозяином и Африканом Савиным произошел короткий разговор.

– Господин Лысухин, – сказал Савин. – Браслету Второму нужен длительный отдых. Мой совет – увезти его на это время за город на траву.

– Через три недели разыгрывается десяти тысячный приз, и когда его возьмет Браслет Второй, тогда можно будет говорить о травке.

– Браслету Второму необходим немедленный отдых, – повторил Африкан.

– А мне необходимо десять тысяч. Конюшня последнее время слабо

себя оправдывает, – упрямо сказал хозяин.

– У него плохое сердце, он может погибнуть.

– Что же делать, спорт связан с риском. Кстати, Браслет теперь стоит дешевле суммы приза. Свою стоимость он уже отработал, и я могу рискнуть.

– Лошадь отказывается работать. Она будет защищаться.

– Такой наездник, как вы, может заставить ее идти и сделать все, что он хочет. Двадцать процентов будут ваши. Браслет все равно пойдет на приз, и вы потеряете две тысячи. Подумайте.

– Я на нем не поеду, господин Лысухин. С Браслетом Вторым раньше двух месяцев наезднику делать нечего. Я не ветеринар и не коновал.

– А я десять тысяч считаю в своем кармане, – услышал наездник, уходя из кабинета.

* * *

Скоро в конюшне появился новый наездник – англичанин Фильмер. Фильмер славился умением укрощать строптивых лошадей. Сам он рассказывал множество невероятных и поразительных случаев из своей тренерской практики. Среди специалистов он пользовался неважной репутацией. Настоящие тренеры и наездники старались держаться от него подальше. Зато у барышников, у мелких владельцев и игроков он был в большом почете. Внешность его приятностью не отличалась. Небольшого роста, кривые короткие ноги в ботфортах подпирали большое, сильное туловище. Длинные руки свисали почти до колен. Голова квадратная, из-под крючковатого носа торчали пушистые усы. Сизые от бритья щеки и круглые черные глазки под редкими бровями дополняли портрет. Говорил он очень громко и очень много.

Увидев его в конюшне, Рыбкин отвернулся и проворчал:

– Черт дьявола прислал.

Наездник похлопал Браслета по шее, приговаривая:

– Хо-хо! Кто сказал, что он не будет ходить? Такой голубчик пойдет как пуля. Правильно я говорю, а? – спрашивал он, ни к кому не обращаясь, и, не дождавшись ответа, продолжал: – Я, голубчик, и не с такими справлялся. А ну-ка, миленький, собери-ка, я на нем прокачусь.

Сенька собрал Браслета. Новый наездник стоял рядом и, не переставая, говорил о том, что не родилось еще такой лошади, которую бы он, Фильмер, не сумел заставить плясать под свою дудку. Удила он забраковал.

– Хо-хо! – гоготал он. – С такими удилами молоко возить, а не на призы ездить. – Он выбежал из денника и принес новые удила. – Вот это вещь, – сказал он, протягивая Сеньке жесткие, колючие удила. – Вот эти и ходить будут на нем. Понял, миленький? Фильмер подберет к нему ключи. Подай мой хлыст, – приказал он Сеньке, садясь в качалку.

Сенька подал длинный, полутораметровый хлыст из китового уса, туго обтянутый кожей.

– Ну, поедем на прогулку, – оскалил зубы Фильмер.

Браслет спокойно вышел из конюшни на улицу и свернул на ипподром. Но перед открытыми воротами на круг он уперся, как перед стеной. Фильмер перевел удила. Браслет мотал головой, топтался на месте и пятился назад. Фильмер рванул к себе вожжи, и жесткие проволочные удила врезались в еще не заживший рот. В то же мгновение голова наездника, описав полукруг, стукнулась о землю, а ноги взвились кверху. Браслет поднялся на дыбы, он мог рухнуть на спину, разбиться и придавить наездника. Фильмер освободил ноги, перевернулся через голову и откатился в сторону. Почувствовав свободу, жеребец бросился к выходу. Фильмер, как кошка, метнулся следом и, сделав огромный прыжок, на полном ходу вскочил в качалку. Все это произошло необыкновенно быстро и неожиданно. Прыгнув в качалку, Фильмер крикнул, как в цирке: – Але! – помахал рукой и схватил вожжи.

Браслет остановился. Наездник повернул его и пустил тихой рысью по двору. По двору Браслет бежал охотно. Он тряс головой и довольно пофыркивал, успокоенный, что его не гонят на круг.

Фильмер решил перехитрить Браслета. Он выждал, пока жеребец успокоится, и, улучив мгновение, с полного хода дернул вожжой и направил его в ворота. Прежде чем Браслет успел опомниться, он уже был на кругу. Очутившись на дорожке, он задрожал и остановился как вкопанный.

– Проведите его, – закричал Фильмер, работая удилами.

Два конюха с двух сторон схватили Браслета под уздцы и потянули на круг. Браслет осел на задние ноги, уперся передними и не двигался. Глаза у него сузились, и в глубине замелькали зеленые огоньки. Уши нервно стригли воздух. Вдруг он оскалил зубы и лязгнул ими у самого носа одного из конюхов. Конюх вскрикнул и, выпустив недоуздок, отскочил в сторону. Браслет взвился на дыбы. В следующее мгновение он ударил передними ногами о дорожку и, высоко подбросив зад, с размаху трахнул копытами по качалке. Удар был неожидан и так силен, что качалка разлетелась вдребезги и наездник рухнул под копыта лошади. Казалось, что Фильмеру пришел конец. Браслет, никогда до этого не бивший задом, словно обрадовавшись неожиданно открытому способу мести, с визгом еще раз ударил ногами. Сенька на полсекунды зажмурил глаза. Копыта Браслета ударили воздух. Открыв глаза, Сенька увидел живого и невредимого Фильмера, уцепившегося за уздечку. Он улыбался, но лицо его было бледно.

– Бери, чего стоишь! Веди в конюшню, – закричал он Сеньке.

Сенька заметил, что Фильмер, как заяц, с усилием выговаривает каждое слово.

В конюшне Фильмер коротко привязал Браслета и с размаху со злобой ударил хлыстом. Браслет подбросил зад и ударил копытами в стену.

Фильмер стоял у головы и, не переставая, стегал его.

Сенька, сжав кулаки, глядел на экзекуцию. Когда, кончив порку, Фильмер ушел из конюшни, Браслет уткнулся головой в угол. Он вздрагивал всем телом, словно ребенок, который устал от долгого плача.

Сенька вошел в денник; Браслет захрапел и угрожающе прижал уши.
– Тише, тише, не бойся, – уговаривал Сенька, протягивая ему свой дневной паек сахара.

Браслет раздул ноздри, храпел и косил глазом. Сенька приблизил руку с кусочком сахара. Браслет рванулся к руке и залязгал зубами. Будь на полсантиметра длиннее повод, Сенька навсегда остался бы без пальца. Уронив сахар, он выскочил из денника и чуть не сшиб с ног Рыбкина.
– Еще и двух часов не прошло, как этот дьявол появился в конюшне, а уже научил жеребца бить задом и кусаться. Погиб жеребец, – ворчал Рыбкин.

На другой день Фильмер явился в конюшню еще до начала уборки.
– Заложить! – приказал он.

Слушаясь удил, Браслет тихой рысью потрусил на ипподром. У ворот на круг он хотел остановиться, но здесь предусмотрительный Фильмер приготовил ему сюрприз. С двух сторон он был дружно взят в хлысты. Две шеренги конюхов с хлыстами в руках проводили его до дорожки. На круг Браслет вылетел как ошпаренный. Очутившись на дорожке, он пошел тихой рысью, повинуюсь малейшему движению рук наездника. Фильмер сиял.

– Я всегда говорил, что это не лошадь, а ягненок, – крикнул он, проезжая мимо подручных и, щелкнув языком, послал сильнее.

Браслет, казалось, только и ждал этого сигнала. Он подбросил зад и ударил копытами в качалку. Но качалка, которая заранее была обмотана веревками, подпрыгнула вверх и вместе с невредимым наездником опустилась на землю.

– Бей его по ушам! – закричал Фильмер подручному.

Подручный ударил жеребца хлыстом по голове. Браслет взвился на дыбы и ринулся на врага, стараясь накрыть его передними ногами. В ту же секунду Фильмер ударил Браслета по крупу. Оставив подручного, жеребец начал бить задом. Несколько минут продолжалась ожесточенная борьба. Браслет яростно защищался от обступивших его кольцом людей. Шансы были неравные. Ему не давали сосредоточиться для удара и хлестали по крупу и по ушам. Браслет сдался. Фильмер послал его врезую, и он пошел крупной, хорошей рысью. Послушный удилам, он покорно убавлял и прибавлял ход по требованию наездника. Такой легкой победы Фильмер не ожидал. Браслет несся по дорожке на замечательном ходу. Фильмер уже был готов поздравить себя с успехом, когда неожиданно Браслет с полного хода круто повернул вправо к воротам.

Любой наездник от такого толчка пулей вылетел бы из качалки. Но у Фильмера позади была длинная цирковая карьера. Он ткнулся головой вперед, подпрыгнул, как крыльями, взмахнул руками и остался сидеть. Только одно мгновение потерял наездник. В ту же секунду он откинулся назад, уперся ногами в стремяна и изо всей силы потянул Браслета влево. Левая вожжа натянулась струной. Казалось, что она сейчас лопнет. Правая повисла свободно. Браслет загородил дорожку и всей тяжестью корпуса

клонился вправо, к выходу. Фильмер, надрываясь, тянул влево. Ни наездник, ни лошадь не хотели уступить. Удила глубоко впились в левый угол рта Браслета. У Фильмера одеревенели пальцы и затекла рука. Прошла минута напряженной борьбы. Но вот едва заметно стала ослабляться вожжа, голова Браслета медленно пошла влево. Еще несколько секунд, и Фильмер победит.

– Берегись! – закричали с круга.

С двух сторон прямо на них неслись рысаки. Фильмер повис на вожжах, из последних сил стараясь повернуть лошадь. Браслет слабел. Медленно сдаваясь, он, вершок за вершком, поворачивался влево.

– Гей, гей, берегись! – испуганно закричали вдруг с двух сторон наездники.

Фильмер упорствовал и медлил. Но руки сами дрогнули и опустили вожжи. Браслет рванулся и вылетел во двор.

Съезжая с круга, Фильмер сквозь зубы насвистывал какой-то несложный мотив. Лицо у него было на редкость веселое. Только левая бровь беспокойно подергивалась кверху.

В конюшне Фильмер стоял рядом с Браслетом и пристально смотрел, как распрягали лошадь. Теперь он больше не свистел и не улыбался.

Сенька ненавидел Фильмера. Его раздражала бесконечная трескучая болтовня англичанина и лицо в непрерывной смене гримас. Руки Фильмера ни минуты не знали покоя. Они, не переставая, описывали замысловатые фигуры перед самым носом собеседника. Но сейчас Фильмер глубоко засунул руки в карманы и молчал. Лицо у него было неподвижно и напоминало маску. Сенька только теперь заметил, что Фильмер очень стар. Он не шумел, не размахивал руками и от этого сделался Сеньке еще неприятнее и страшнее.

– Привязать в деннике, – приказал он.

Сенька привязал Браслета к кольцу. Когда в денник вошли Фильмер и его помощник с длинными хлыстами в руках, Сенька выскочил в коридор. Но все же он увидел, как хлыст, со свистом разрезав воздух, полоснул Браслета вдоль спины и разорвал кожу. Браслет рванулся вперед и стукнулся головой в стену. Новый удар ожег спину.

Браслет с силой рванулся назад, толстый повод лопнул, как перетянутая струна. Фильмер едва успел выскочить в коридор; как обезумевший, Браслет с размаху ударил копытами в дверь. Вершковая доска треснула посередине.

– Наверх, – приказал Фильмер подручному.

С ловкостью опытного гимнаста он вскочил на перегородку.

Помощник вскарабкался следом. Увидев Фильмера на перегородке, Браслет взвился на дыбы и с оскаленными зубами ринулся на своего врага, но достать его не смог. Сильный удар между ушей повалил его на колени.

Больше он не пытался защищаться. Спасаясь от жгучих ударов, он заметался по деннику, но длинные хлысты из китового уса всюду настигали его.

– Бери хлыст, лезь сюда! – приказал Фильмер Сеньке. Не смея ослушаться, Сенька, бледный, с посиневшими губами, полез наверх. Потный, дрожащий Браслет носился по деннику. Кожа на спине и на боках вздулась толстыми рубцами. Из рассеченной кожи сочилась кровь и окрашивала пышные белые клочья пота в розовый цвет.

– Бей, чего смотришь! – крикнул Фильмер.

Сенька поднял руку, но, встретившись с обезумевшими, налитыми кровью глазами Браслета, уронил хлыст. Фильмер яростно взмахнул рукой. Браслет опустил ниже голову, ожидая удара. Через мгновение он услышал чей-то крик, но боли не почувствовал. С перегородки кувырком слетел Сенька. Через всю спину у него вздулся багровый рубец. Браслет перестал метаться. Он забился головой в угол, покорно подставляя лихорадочно дрожащее тело под равномерно падающие удары. Потом он зашатался и рухнул на пол.

Когда Фильмер в последний раз вытянул жеребца по ногам, он даже не вздрогнул. Он лежал, растянувшись на соломе и тяжело дыша, как после долгого бега. Крупные слезы скатывались по окровавленной морде на солому.

– Будет, – сказал Фильмер, выходя из денника. – Через три часа я на нем поеду. Приготовить! – приказал он, уходя из конюшни.

Браслет лежал не шевелясь.

Когда через три часа Фильмер вернулся в конюшню, он увидел, что Браслет по-прежнему лежит на полу. Опустившись на колени, Сенька осторожно снимал с него мокрой ватой засохшее мыло и кровь.

Фильмер схватил Сеньку за шиворот и выбросил из денника.

– А ну, вставай! – крикнул он Браслету.

Браслет вскочил и, весь съежившись, прижался к стене.

– Ничего, ничего, привыкай, голубчик, это только начало, – успокаивал Фильмер.

На Браслета накинули сбрую. Каждое прикосновение причиняло ему сильнейшие мучения, но он не сопротивлялся. На кругу Фильмер сразу послал Браслета врезую.

Браслет бежал, торопливо перебирая ногами.

– Боится, бедный, – жалел Сенька, который вместе с Рыбкиным наблюдал за проездкой. – Смотри, как старается.

Браслет шел резво, но на каком-то особенном ходу. Он неуверенно перебирал передними ногами, высоко подбрасывая задние. Четкого, размеренного хода, всегда присущего ему, не было. Но Фильмер сиял, – взбесившийся жеребец был покорен. В конюшне Браслет опять заволновался и не позволил себя распрягать.

В денник его завели с трудом. Он упирался и дрожал всем телом.

* * *

До приза осталось две недели. Фильмер ежедневно сам тренировал жеребца. У Браслета болели плечи и спина, но он теперь слушался каждого движения удил. Фильмер был на седьмом небе от счастья.

Через неделю наступил день приза. Когда Сенька пришел собирать Браслета, он лежал на соломе вялый и равнодушный.

Перед призом Фильмер проминал Браслета. Сенька и Рыбкин наблюдали за работой. Мимо них вразмашку прошел Браслет. Он старательно перебирал негнувшимися, словно чужими ногами. На высоко поднятой оберчеком голове тускло мерцали два больших глаза.

На втором кругу Фильмер послал врезвую. Преодолевая боль, Браслет стал шире выбрасывать ноги. Гул голосов и музыка духового оркестра взвинчивали нервы и напрягали мускулы. Браслет оживал. Движения стали гибкими, задвигались плечи. В темных арабских глазах опять появился блеск.

– Гляди, гляди, пошел, – схватил Сенька за руку Рыбкина.

Они сидели на наезднической трибуне. Мимо них, широко выбрасывая ноги, мчался Браслет. Это шел прежний Браслет, неутомимый, горячий и послушный ипподромный боец. Каждое движение его было красиво, сильно и необходимо. Казалось, что он, наездник, качалка – это единый организм, неудержимо стремящийся вперед. Только уши жеребца нервно вздрагивали да зубы злобно закусили жесткие удила.

Поравнявшись с трибуной, упоенный успехом, Фильмер повернул Браслета и поехал к старту. Оркестр играл военный марш. Браслет шел, четко шагая в такт марша. Зазвонил колокол.

– На старт! – раздалась команда.

Этого было достаточно. Крик стартера вернул воспоминание об усталости, боли в ногах и нанесенной обиде. Не успел Фильмер дернуть вожжой, как Браслет изо всей силы ударил задними ногами в качалку.

Качалка треснула и наклонилась набок. Фильмер покачнулся и шлепнулся на землю, как мешок с отрубями. Почувствовав свободу, Браслет понес к выходу. Упираясь длинными руками в землю, Фильмер пытался встать на ноги, но застонал и опрокинулся навзничь. С круга его унесли на руках.

Дежурный врач определил раздробление пяточной кости.

Браслет подлетел к закрытым воротам. Десяток дюжих конюхов едва справились с ним, опутав его веревками. Сдерживаемый с двух сторон на поводах, опутанный веревками, с петель на шее, Браслет все-таки был страшен и пугал конюхов. Накопленная обида и злость прорвались сразу. Кроткий, добродушный жеребец озверел. Он дрожал при каждом прикосновении и, как собака, лязгал зубами. Кто-то догадался сунуть ему толстую палку. Браслет яростно впился в нее зубами и начал дробить на щепки. У дверей конюшни он уперся ногами и забился в судороге.

– Не бойся, иди, иди, милоч, – уговаривал его Рыбкин.

Браслет бил задом, дрожал, хрипел и бросался на людей. Потом вдруг неожиданно сам рванулся вперед и влетел в конюшню, опрокидывая конюхов. Через порог в денник он перепрыгнул, как через высокий барьер, и, став задом ко входу, приготовился к защите.

– Надо дать ему успокоиться и простыть, – посоветовал Рыбкин.

Но на следующий день Браслет встретил Сеньку зубами и копытами.

Смиряться он не хотел.

Глава третья

Прошло недели две. В жаркое июльское утро в конюшню пришел Лысухин. Он был весел и что-то оживленно рассказывал сопровождающему его рыхлому человеку с бледным лицом. Тот молчал, время от времени покачивал головой и пялил на Лысухина круглые, куриные, без всякого выражения глаза. Это был известный барышник, торговавший лошадьми с заграницей.

Войдя в конюшню, Лысухин потянул носом воздух и недовольно бросил старшему конюху:

– Плохо проветриваете, от аммиака дышать нечем. Слышишь?

– Слушаю-с, – по-военному ответил старший.

Мельком взглянув на других лошадей, Лысухин отправился к Браслету. Жеребец, увидев гостей, повернулся к двери и настороженно следил за приближающимися людьми.

– Ты что, голубчик, бунтовать вздумал, дуришь? – погрозил ему хлыстом Лысухин.

Браслет прижал уши, не спуская с хозяина глаз. Старший, Сенька и Рыбкин почтительно стояли позади. Из денника донесся удушливый запах разлагающихся испражнений.

Лысухин поморщился и удивленно посмотрел на старшего.

– Что это значит? Отчего такая грязь? Ты убираешь? – обратился он к Сеньке.

Сенька покраснел и молча тер ладонью по штанине.

– Так не позволяет войти к себе в денник никаким родом! – пришел на помощь Сеньке старший.

– Чепуха! Стыдитесь! Подхода у вас нет к лошади. Какой же ты конюх, если лошади боишься? – упрекнул хозяин Сеньку. – Распустились без меня. Вот, смотрите.

Лысухин взялся за скобу. Старший подскочил и уперся ногой в дверь.

– Ваше высокоблагородие!

– Ты что? – удивился Лысухин.

– Не надо, живым не останетесь, – вдруг перешел на шепот старший.

– Убери ногу, – приказал Лысухин и, открыв дверь, переступил порог.

Браслет ниже опустил голову и сильнее прижал уши, Лысухин остановился у порога и шарил в кармане, ища сахар. Он собирался с куском сахара подойти ближе к Браслету. Но второго шага жеребец сделать ему не дал. Молча ринулся он на человека. Лысухин успел прыгнуть к двери, но зубы Браслета впились в его плечо и потянули назад, в денник. Лысухин зацепился пальцами за косяк. Сенька и старший схватили его за руки и потащили вперед, в коридор. У Лысухина перекосилось лицо. Воротник сдавил шею, как петля, и не позволял свободно дышать. Старший, Сенька и Рыбкин тянули его изо всей силы, с риском вырвать ему руки, но Браслет был сильнее их, и Лысухин медленно пятился в денник. Внезапно раздался сухой треск. Лысухин, Сенька, старший вылетели в коридор и плашмя

растянулись на полу. Не теряя ни секунды, Рыбкин захлопнул дверь в денник. Лысухин поднялся с пола последним. Он был обнажен до пояса. Воротничок, галстук и один манжет – всё, что осталось на нем от верхней части костюма. Сенька поднял с полу шляпу и подал хозяину. Тот машинально напялил ее на голову. Растерянный, с дрожащими губами, в смятой шляпе, в воротничке и галстуке на голом теле, Лысухин был жалок и смешон.

– Спасибо, – выговорил он наконец и потянулся за бумажником.

Пальцы царапнули обнаженную кожу на боку.

Лысухин только сейчас заметил, что он раздет, и беспомощно оглянулся. Браслет яростно трепал в зубах остатки его одежды. Бумажник выпал из кармана и валялся на мокром навозе. Растоптанные копытом оранжевые, зеленые и синие кредитки безжалостно втоптывались в грязь.

– Прошу простить за беспокойство, эта лошадь мне не подходит. Я не ковбой, – вдруг неожиданно заговорил молчаливый покупатель и, вежливо шаркнув ногой, ушел из конюшни.

– Сегодня же застрелить гадину, – приказал Лысухин.

– Такая лошадь раз в десять лет рождается, ваше высокоблагородие.

Таких лошадей не стреляют, – тихо проговорил Рыбкин.

– Она бешеная, я не могу держать бешеных лошадей, – вдруг побагровел от злости Лысухин. – Видишь?

Словно подтверждая слова хозяина, Браслет выплюнул изуродованный пиджак и загрохотал по перегородке копытами.

– Он отойдет, верьте слову, – отойдет, – упрямо твердил Рыбкин. – Разве лошадь виновата? За что ее стрелять?

– А кто же, по-твоему, виноват? – заинтересовался Лысухин.

– Вот если не только с коня, а и с человека любого начать со спины ремни резать, то кто хочешь от этого взбесится и на стенку полезет. По себе каждый может судить.

Лысухин хотел рассердиться, но только зябко передернул голыми плечами. Будь на нем пиджак, он бы показал, как надо с ним разговаривать. Но теперь он только сказал:

– Пошлите кого-нибудь ко мне за костюмом. И нет ли у вас чего-нибудь набросить?

– Вот, пожалуйста, эта на ваш рост, – предложил старший брезентовую куртку.

Лысухин повертел куртку в руках. Она была тяжела и, казалось, сделана из толстой, негнущейся жести.

– Может, еще что-нибудь найдется? – робко попросил он.

Старший торопливо стянул с себя засаленный, пропитанный потом пиджак из чертовой кожи. Лысухин взял его двумя пальцами, осмотрел и возвратил хозяину.

– Нет, я уж лучше эту, – сказал он, морщась и натягивая на голое тело жесткий брезент.

Скоро принесли новый костюм. Освободившись от куртки, Лысухин

заулыбался и даже подобрел, к нему подошел Рыбкин и молча снял шапку.

– Ну что, старик?

– Не губите лошадь, ваше высокоблагородие. Я лучше найду на него покупателя.

– Ты думаешь, купят? – после небольшого раздумья спросил Лысухин.

– Лошадь редких кровей... Найдется кто-нибудь, – уверял Рыбкин.

Лысухин размышлял вслух:

– На чужой завод такую кровь за бесценок продать мне тоже неинтересно.

– Можно и не на завод. На завод даже его из-за характера побоятся взять, – успокоил Рыбкин. – А сотен пять и лихач даст.

– Пять сотен за такую лошадь! – возмутился Лысухин. – У ней породы на десять тысяч. А экстерьер какой!

– Может, и больше дадут, – пообещал Рыбкин.

– От него в конюшне зараза, – сдавался хозяин.

– Я вычищу денник.

– Ладно, – согласился Лысухин. – Дай завтра объявление. Сегодня я уезжаю. Вернусь недели через две, и чтоб к моему приезду его здесь не было.

Через два дня в конюшню гуртом повалили покупатели. Возможность купить известную лошадь с редкой родословной почти за бесценок привлекала многих. Незнакомые люди, осаждавшие денник, приводили Браслета в ярость. Он очумело бросался на решетку, грыз зубами железо и бил копытами по перегородке, откалывая от стен большие щепки.

Покупатели, защищенные толстой решеткой, храбрились и дразнили жеребца. Многие, побывав сами, приводили знакомых показать бешеную лошадь-людоеда. Они просовывали через решетку палки, и Браслет, к удовольствию зрителей, дробил их зубами на части.

Хотя за Браслета просили необыкновенно низкую цену, охотников его приобрести не находилось. Рыбкину пришлось сбавить цену. Браслет зверел день ото дня.

Скоро Рыбкин убедился, что продать его не удастся. Нечищенный, со спутанной гривой и сбившимся хвостом, с налитыми кровью глазами, Браслет отпугивал самых смелых покупателей.

Ежедневно Рыбкин и Сенька с риском быть изувеченными понемногу чистили денник. И все же тяжелый запах аммиака наполнял конюшню. Июльская жара усиливала зловоние.

Прошло две недели. Рыбкин, отчаявшись продать Браслета, захлопнул двери перед носом покупателей.

Когда около денника не было людей, Браслет успокаивался, забивался в дальний угол и часами стоял неподвижно. Глаза тогда теряли блеск, подергивались грустной дымкой и подолгу, не мигая, смотрели в одну точку. Потом неожиданно Браслет резко вздрагивал, приседая, как от удара, и вдруг, словно очнувшись от дремоты, с визгом начинал исступленно колотить копытами по перегородке. Слыша визг Браслета, волновались и

другие лошади, даже самые спокойные и кроткие. Рыбкин понимал, что держать Браслета в конюшне больше нельзя.

Приезда Лысухина ожидали с нетерпением.

Браслет по-прежнему никого не подпускал к себе, зверел и бесновался при виде людей. Только Рыбкину и Сеньке разрешалось ходить около денника. Еда и питье опускались через верх. Неубранные испражнения гнили и наполняли конюшню тяжелым, удушливым запахом.

Однажды управляющий конюшней сказал, что хозяин приезжает завтра. Сенька ушел из конюшни, не почистив лошадь. Он забрался в сарай на сено, лег на спину и долго лежал с закрытыми глазами. Запах сена напомнил ему луг, табун, старую Злодейку и резвого гнедого жеребенка, несшегося по высокой, росистой траве. У жеребенка большие, ласковые глаза и теплые, бархатные губы. Сенька протяжно вздохнул и, повернувшись вниз лицом, глубже зарылся в сено. Только перед самым вечером он вылез из сарая. Глаза у него заметно покраснели.

В ближайшей мелочной лавочке Сенька вынул из узелка весь свой наличный капитал – восемьдесят пять копеек.

– Конфет на все, только без бумажек, – сказал Сенька, отворачиваясь. Лавочка находилась рядом с конюшнями, и владелец ее хорошо знал Сеньку.

– Ничего, ничего, дело житейское. Парень ты в самом расцвете. И опять же весна, – ободрял он, протягивая кулек.

В дверях Сенька столкнулся с Рыбкиным. Они прошли мимо, не остановившись, даже не взглянув друг на друга.

«Кошка пробежала», – решил лавочник, знавший об их дружбе.

Рыбкин молча положил на прилавок два серебряных рубля.

– Конфет, – буркнул он. – Только чтоб без бумажек.

Лавочник на мгновение даже замер на месте, но быстро опомнился и еще быстрее сгрел с прилавка деньги, как видно боясь, что Рыбкин передумает. Отвесив конфеты, он забежал вперед и торжественно распахнул перед богатым покупателем дверь.

– Вот гляжу на вас, Никандр Миронович, какие люди когда-то были.

Вот вы, годков на двадцать пять старше меня, а еще кремень-мужчина, – говорил он, заглядывая Рыбкину в глаза. – Я вот и сам жениться хочу, да только раздумываю.

– Дурак! – сказал на прощание Рыбкин.

Лавочник долго глядел вслед удалявшемуся Рыбкину.

И вдруг, осененный новой мыслью, даже подпрыгнул.

– Оба без обертки, неужели за одной? Старый и малый? Вот где кошка пробежала. Вот черти!

* * *

Из лавочки Сенька пошел прощаться с Браслетом. Браслет одобрил подарок и, громко фыркая, набил конфетами рот. Два месяца он прожил на голодном пайке. Рыбкин держал его на сене и только раз в день давал немного овса. Сенька попытался как-то незаметно увеличить порции овса,

но был накрыт на месте преступления.

– Задумал лошадь погубить? Раз без движения стоит, ему много есть вредно. Другой раз хлыстом отстегаю, – пригрозил Рыбкин.

Сладкого Браслет за это время не пробовал. Теперь, довольно покачивая головой, он быстро уничтожал Сенькины конфеты.

На глазах у Сеньки Браслет из жеребенка превратился во взрослого, статного жеребца. Сенька был свидетелем его рождения, роста, блестящей, но недолгой беговой карьеры. За это время Сенька сам превратился из мальчишки в восемнадцатилетнего парня. Ему казалось, что такого времени, когда рядом с ним не было Браслета, не существовало. Браслет не просто любимая лошадь – он товарищ, земляк, друг. И теперь Сенька прощался с Браслетом навсегда...

В конюшню неслышно вошел Рыбкин. Увидев Сеньку, он повернулся и, тихо ступая на носки, незаметно исчез за дверью.

Во дворе Сенька появился только под вечер. И тотчас же его место у денника занял Рыбкин.

Браслет не спеша принялся за новую порцию конфет.

– Ешь, ешь, милый, ешь в последний раз, – тихо сказал Рыбкин. Голос у него дрожал и скрипел сильнее обычного.

«Без охоты ест. Умная скотина, предчувствует», – решил он.

Браслет нехотя доедал конфеты.

– Ему бы в степь, на волю, в косяки. Какие жеребята были бы! – мечтательно шептал старик.

У Рыбкина заболели ноги, а Браслет все еще не мог доесть конфеты.

Старик отошел от денника и сел на табуретку. Развернув беговую программу, он уставился на первую страницу. Беззвучно шевелились губы, и осторожно, крадучись передвигались по обычному маршруту усы. Так прошло полчаса. Рыбкин по-прежнему шевелил губами, держа перед собой программу, открытую все на той же странице. В денниках тихо всхрапывали лошади. Наконец голова Рыбкина опустилась на руки, и к равномерному посапыванию лошадей присоединился новый, свистящий звук.

Равномерно дышали лошади, где-то в крайнем деннике одна тихо, тоненько ржала во сне.

Болезненный громкий стон, разнесшийся по конюшне, разбудил Рыбкина.

«Стрела», – решил старик, вспомнив о недомогавшей несколько дней кобыле, и побежал к ее деннику.

Растянувшись на опилках, в деннике мирно спала серая кобыла.

Новый стон раздался где-то неподалеку.

«Браслет», – наконец догадался Рыбкин.

Корчась от судорог, Браслет катался по грязному полу, задевая за стены копытами, и громко, жалобно стонал.

– Колики! Обкормил, старый дурак, – выругал себя Рыбкин.

Он приоткрыл денник и остановился на пороге, не решаясь войти.

Браслет приподнял голову. У него были испуганные, страдающие глаза. Тогда старик смело шагнул к нему и, опустившись на колени, стал растирать живот. Браслет прислушался и затих. Рыбкин снял со стены недоуздок. Жеребец покорно подставил под него голову. Выждав момент, когда Браслет на минуту затих, Рыбкин дернул за повод и прикрикнул: – А ну, вставай, вставай!

Браслет поднялся. Он стоял, выгнув горбом спину и сблизив передние и задние ноги.

– А ну, пойдем, пойдем, скорее, – торопил его Рыбкин и тянул повод. Вздрагивая от боли, Браслет поплелся следом, с трудом перебирая одеревеневшими, застоявшимися ногами.

В тиши светлой июльской ночи, шаркая валенками, Рыбкин водил Браслета по двору. Скоро он начал уставать и послал дворника за Сенькой. Прошло еще четверть часа, у Рыбкина все сильнее заплетались ноги, но остановиться он не мог. Остановка грозила Браслету гибелью. Наконец появился заспанный Сенька.

– Бери повод, води. Не давай останавливаться, – от усталости еле выговорил Рыбкин.

Сенька машинально протянул руку, но, увидев рядом с собой Браслета без пут и намордника, как ошпаренный прыгнул в сторону.

– Бери, не бойся, он смирный. Колики у него, водить надо, – хрипел старик.

Он все мельче семенял ногами и дышал, как запаленная лошадь.

Сенька решил. Браслет, казалось, даже не заметил перемены. Он страдал от жестоких колик и все время порывался лечь на землю.

Через час Сеньку сменил отдохнувший Рыбкин. Браслет ходил уверенней. Он твердо ставил ногу, и шаг его сделался шире. Браслет повеселел, но покорно ходил на поводу. За два часа он изменился и подобрел. Один раз даже ласково ткнул похолодевшего от страха Сеньку в плечо и пошарил губами у кармана.

Перед рассветом его увели в денник и коротко, чтоб он не мог лечь, привязали.

– Растирай! – приказал Рыбкин.

Рыбкин и Сенька принялись дружно массировать лошади живот.

Браслет терпел. Потом Сенька опять долго водил его по двору, а Рыбкин чистил денник. Удушливый аммиачный запах исчез из конюшни.

Наутро, вооружившись щеткой и скребницей, Рыбкин шагнул в денник. Браслет повернул голову и, кося глазом, выжидающе посмотрел на него. В этом взгляде не было ни ласки, ни угрозы. Рыбкин осторожно потрепал жеребца по шее и протянул ему конфету. Браслет взял конфету, пожевал губами и выбросил.

– Старый я дурень, скотина умней меня, – обласкал себя Рыбкин и осторожно провел щеткой по спине Браслета.

Браслет повернулся и подставил бок. Тогда, весело насвистывая, Рыбкин принялся чистить жеребца.

К началу рабочего дня вычищенный Браслет стоял в чистом деннике, со свежей подстилкой. Ползая перед ним на коленях, Сенька щеткой чистил ему копыта.

* * *

Наутро первым покупателем в мелочной лавке был Рыбкин.

– Конфеток прикажете? – заискивающе спросил лавочник.

– Ваксы, – отрезал Рыбкин.

Лавочник удивленно уставился в старые, истоптанные валенки Рыбкина. Он знал его не один десяток лет, но припомнить без валенок не мог.

– Как вы сказали? – переспросил он.

– Ты что, оглох, что ли? – обозлился Рыбкин и закричал, как глухому, на ухо: – Ваксы, понимаешь, ваксы для сапог.

Не заходя в конюшню, Рыбкин прошел в свою каморку и пропал.

Только через два часа он снова появился на дворе. Сенька, водивший по двору лошадь, чуть не выронил из рук повод. Рыбкин был необычайно наряден. На ногах у него красовались высокие сапоги гармошкой. Сапоги горели огнем. Новые плисовые шаровары были вправлены в высокие голенища. Из-под жилета в цветочках выглядывал ворот вышитой голубой рубахи. Поверху старик надел длинный синий казакин на волчьем меху – его гордость и богатство. Казакин был сшит еще в те времена, когда Рыбкин был наездником, и надевался только в особо торжественных случаях, независимо от времени года и температуры.

Не обращая внимания на сыпавшиеся со всех сторон шутки и вопросы, Рыбкин прошел мимо конюшни прямо на улицу.

В десятом часу утра он уже сидел в передней у Лысухина. От хозяина он вышел потный и красный, но сияющий. Лысухин сам проводил его до дверей.

– Значит, срок – полгода, – еще раз напомнил он.

– Раньше пойдет, – пообещал Рыбкин.

– Подумай еще раз. Не пойдет лошадь – убытки за твой счет. Дело серьезное, – грозил Лысухин.

– До смерти отработаю, – успокаивал Рыбкин.

Старик спешил. Наклонясь вперед и сильно размахивая руками, он быстро семенил к дому. При этом он бормотал себе что-то под нос и хитро подмигивал. Усы то и дело сбивались с обычного рейса от носа к подбородку и ползли в разные стороны. Рыбкин улыбался.

Не заходя к себе, Рыбкин во всем параде ввалился к Браслету в денник. Браслет попятился и недружелюбно покосился на вошедшего.

– Живем, милоч, живем! Мы еще с тобой побегаем, – закричал Рыбкин и от избытка чувств обнял жеребца за шею.

Браслет прижал уши, оскалил зубы и, схватив его за плечо, потянул к себе. Казакин треснул и пополз книзу.

Гордость и богатство Рыбкина – казакин был испорчен навсегда. Не удержавшись на ногах, старик кувыркком полетел на солому. Браслет

отошел в угол и наблюдал за ним, готовый к бою.

Рыбкин поднялся, покачал головой и тихо проговорил:

– Дурак, дурак, что я тебе плохого сделал?

Браслет услышал знакомый голос и, убедившись, что его не собираются бить, а может, только теперь узнав Рыбкина, приветливо закивал головой и ткнулся носом в разорванное плечо.

* * *

Скоро Браслет успокоился окончательно. К чужим он все еще относился недоверчиво и настороженно, но Сенька и Рыбкин беспрепятственно в любое время входили в его денник. Жеребец был отдан в полное распоряжение Рыбкина, и старик ревниво оберегал его покой, не подпуская никого из посторонних. От работы он был освобожден.

– Пусть отдохнет и поскучает, а главное – чтобы забыл ипподром, – говорил Рыбкин.

Через месяц Браслет стал послушен и ласков.

Но как-то утром, когда после ежедневной получасовой прогулки Сенька отводил Браслета в конюшню, они встретили конюха с качалкой. Увидев качалку, Браслет захрапел и, прежде чем Сенька успел его отвести, тряхнул ее копытом. Сеньке пришлось долго водить его по двору, прежде чем он опять успокоился.

– Эта лошадь в качалке не пойдет, – уверяли конюхи.

Рыбкин отмалчивался и только позже, оставшись с Сенькой наедине, сказал, улыбаясь:

– Мы еще на этом жеребце такой приз оторвем, что у них голова закружится. Только повозиться с ним придется немало. Всю науку надо с начала пройти.

Прошел еще месяц. Браслет отдыхал. Ежедневная прогулка шагом его уже не удовлетворяла. Сеньке часто приходилось круто. Браслет хотел двигаться резвее. Он шалил, вставал на дыбы и прыгал козлом, грозя смять Сеньку.

– Сладу нет, – жаловался тот.

– Завтра прогоняем на корде, – сказал после одной из таких прогулок Рыбкин. – Начнем обучать сызнова.

Браслета привязали на длинную веревку. Рыбкин держал конец веревки, стоя среди двора, а Сенька пошел рядом с жеребцом, держа его за недоуздок. Браслет шел по кругу широким, спорым махом. Сенька отпустил недоуздок и отбежал в сторону. Браслет понесся по кругу, наслаждаясь быстрым бегом.

– Теперь его через два дня на третий будем гонять, – сказал Рыбкин, когда Браслет вспотел.

Назавтра, как всегда на рассвете, пока на дворе еще не было суеты, Сенька вывел Браслета на прогулку. После бега на корде Браслет чувствовал прилив сил и шел за Сенькой, гордо выгибая шею и играя мускулами. Первое, что он увидел во дворе, была незнакомая пегая лошадь. Браслет громко, вызывающе заржал и раздул ноздри. В ответ

раздалось тихое, ласковое ржание. В одном направлении с Браслетом, но на приличном от него расстоянии, Рыбкин водил пегую лошадь. Браслет бил ногой по земле, храпел и косил глазами на кроткого соседа. Но тот деловито шагал рядом, не обращая на него внимания. К концу прогулки Браслет успокоился и только потряхивал головой, изредка поглядывая на Пегаша.

С этого дня, выходя на прогулку, Браслет обязательно находил во дворе Пегаша. С каждым днем расстояние между ними сокращалось. Скоро они гуляли бок о бок и, казалось, не замечали друг друга. Пегаш была кроткая лошадь, тихого и ласкового нрава, резвая, трудолюбивая.

Выбракованный с завода за масть

[1]

, Пегаш долго ходил правой пристяжной в выездной тройке. Лысухин купил ее в поддужные

[2]

. Теперь Рыбкин

приспособил его в товарищи Браслету.

Через два дня на третий Браслета гоняли на корде. Рыбкин внимательно следил за тренировкой и прекращал работу, как только видел, что жеребец устает.

Как-то, выйдя на прогулку, Браслет не нашел во дворе Пегаша. Он остановился, оглядываясь по сторонам, и громко заржал. Рыбкин усмехнулся.

– Гляди, как скоро привык. Сейчас приведу тебе товарища, – пообещал он, уходя.

Браслет шагал по двору и время от времени призывно ржал.

Через несколько минут раздалось ответное ржание, зацокали копыта и во дворе появился Пегаш. Браслет повернулся навстречу приятелю и попятился назад. Мерин был впряжен в беговую качалку. На крохотном сиденье ее важно восседал Рыбкин.

Браслет недружелюбно косился на качалку, но отставать от Пегаша не хотел и послушно пошел рядом. Качалкой он больше не интересовался. Еще через день с большими предосторожностями на Браслета надели сбрую. Он занервничал и стал вертеться по деннику, но ему не дали опомниться и вывели на двор. Во дворе в качалке уже шагал Пегаш, и Браслет пошел рядом. С этого дня он начал ходить шагом и на корде в сбруе. Скоро на Браслета рискнули нацепить вожжи. Сенька держал его под уздцы и вел рядом с Пегашом, на котором ехал старший, а Рыбкин управлял вожжами. Браслет продолжал спокойно шагать на вожжах даже после того, как Сенька отстал от него.

Так осторожно, шаг за шагом, возвращал Рыбкин Браслета к той жизни, которую он еще так недавно ненавидел со всей страстностью высокопородной лошади. И Браслет охотно вновь усваивал навыки и привычки ипподромного бойца.

Как-то на рассвете Рыбкин необычно рано разбудил Сеньку. Сенька

вскочил мгновенно. Протирая глаза, он быстро снял со стены сбрую и шмыгнул в денник. Браслет только что кончил есть овес. Увидев Сеньку, он заржал и полез к нему в карман пиджака за сахаром. На этот раз порция сахара почему-то была увеличена. Пока Браслет звучно дробил сахар, Сенька быстро его собрал.

– Готов? – спросил Рыбкин, появляясь в дверях.

Сенька кивнул головой. Лица у обоих были торжественны, разговаривали они тихо и ходили на цыпочках. Сенька повел Браслета к выходу и придержал в дверях. Сквозь открытые двери Браслет увидел Пегаша, шагавшего по двору в качалке. Браслет тянулся к приятелю, вытягивал голову и ржал. Сенька сдерживал его, гладил по шее и угощал сахаром. Браслет не заметил, как Рыбкин и старший тихо подкатили сзади качалку и так же тихо запрягли. Рыбкин забрался в качалку и тронул вожжи.

Браслет выбежал из конюшни. На дворе он остановился и завертел головой. Уздечка с надглазниками скрывала от него качалку. Он слышал только сзади знакомый шорох колес да ласковый голос Рыбкина, приговаривавшего:

– Хоу, хоу.

Браслет закинулся и топтался на месте. Но вот мимо протопал Пегаш. В качалке его сидел Сенька. Браслет рванулся следом и не заметил, как очутился на улице.

Рассветало. Город еще не просыпался. Кое-где маячили пешеходы и громыхал одинокий извозчик. Забыв о качалке, Браслет вертел головой и осматривал незнакомые места. Кончилась булыжная мостовая.

– Выпускай, – приказал Рыбкин.

Щелкая копытами по торцам, лошади пошли быстрее. Браслет сильно тянул. Рыбкин чуть-чуть ослабил вожжи, и он вырвался вперед, оставив Пегаша позади. Но, пролетев саженой двадцать, жеребец вдруг резко замедлил бег. Только когда сзади подошел Пегаш, он сам без посылы снова пошел быстрее.

Так было и дальше. Браслет ни за что не позволял Пегашу вырваться вперед, но как только вырывался сам, сразу замедлял ход и ждал приятеля. Когда лошадей снова перевели на тихую рысь, Рыбкин пообещал:

– Ну, теперь приз наш, только мне с ним не справиться. Руки не те стали. Придется тебе готовиться.

– Не позволит хозяин, – зарделся Сенька.

– Позволит, – твердо сказал Рыбкин. – Права не имеет не позволить. У меня с ним такой уговор, что я сдаю лошадь только после первого приза, а до этого без моего согласия никто до нее не дотронется.

– Не справлюсь с ним на призу, – усомнился Сенька.

– Справишься. Мочалкины из рода в род наездники. Я еще с твоим дедом ездил. Знаменитый был старик. Отец у тебя тоже большого класса наездник был. Справишься.

С этого дня Браслета стали тренировать по утрам на улице. Пускать

его на ипподром Рыбкин боялся.

– Надо, чтобы он совсем забыл, какой он, ипподром, и есть. Лошадь работу любит, пока ее не перетянут. Другую покорную дурак наездник просто возьмет и сломает. А другая защищается, бьется задом, хватается зубами и начнет бояться. Каждую лошадь отъездить можно, если только найти подход к ней. Дурных лошадей почти не бывает, а дурных наездников хоть пруд пруди, – говорил Рыбкин.

Скоро начали работать с Браслетом махом и врезую.

Перед первой резвой Рыбкин приказал Сеньке сесть на Браслета. Сам он повел Пегаша.

Дрожа от радости и страха, Сенька уселся в качалку.

На Невском лошадей выпустили.

Браслет рванулся вперед и поплыл по широкой торцовой мостовой. В размеренный, точный, как часы, стук его подков барабанной дробью врывался топот скачущего рядом Пегаша. Пегаш – старый, испытанный поддужный – скакал легко, едва прикасаясь копытами к торцам. Браслет шел на полкорпуса впереди, приравливая свою рысь к быстрому галопу товарища. У Сеньки закружилась голова. Ему казалось, что беспорядочно мелькавшие столбы фонарей, решетки, дома вдруг вытянулись в нитку и ринулись ему навстречу. У Штаба разгоряченных лошадей сдержали с трудом. Рыбкин поглядел на секундомер.

– Как проехали? – поинтересовался Сенька.

– Для первой езды с нас довольно, – буркнул Рыбкин.

* * *

Зима пришла рано. В ноябре месяце начались первые бесснежные морозы. Ездить врезую по улицам стало трудно. Браслет был почти приготовлен к призу, но Рыбкин долго не мог решиться начать тренировать его на ипподроме. Запрягая Браслета перед первой ездой на кругу, старик заметно волновался. Руки путались в пряжках и ремешках. От этой езды зависело все.

Выехали задолго до начала работы. На Браслета Рыбкин сел сам.

Сенька на поддужном выехал вперед, и Браслет, как всегда, пошел следом. Лошади очутились на ледяной дорожке ипподрома и пошли бок о бок.

– По большой в обратную! – крикнул Рыбкин.

Браслет деловито трусил рядом с Пегашом, весело кося на него глазом.

Старик улыбнулся, но когда из темноты навстречу выплыла трибуна, Браслет неожиданно остановился, задрожал и стал хрипеть.

– Ну, ну, не бойся, пошел. Ну! – испуганно уговаривал его Рыбкин.

Жеребец медленно пятился назад.

– Ну, ну, хоу, хоу, хоу! – успокаивал наездник.

Пегаш, объехав Браслета, исчез в темноте. Браслет топтался на месте и дрожал, как в лихорадке. Шерсть на нем встала дыбом. Едва живой от волнения, Рыбкин старался не шевелить вожжами. Вдруг, словно вспомнив что-то, Браслет ударил задней ногой по качалке. Раз, еще раз. Рыбкин не шелохнулся. Он свистом и голосом продолжал успокаивать лошадь. Удары

были слабые, и качалка выдержала. Браслет остановился и стал прислушиваться. Тихо-тихо насвистывал Рыбкин, и вот сзади зацокали по льду копыта. Это Сенька, сделав круг, ехал на Пегаше.

– Держи ближе! – крикнул Рыбкин.

Пегаш пошел бок о бок с Браслетом и стал опять уходить. Тогда Браслет рванулся и понесся вдогонку. У ворот он снова остановился. Рыбкин спокойно ждал. Когда Браслет потянулся за уходящим Пегашом, он повернул его и съехал с круга. Браслет ржал и оборачивался. Отпусти Рыбкин вожжи, он сам вернулся бы на дорожку.

«На сегодня будет», – решил Рыбкин.

На следующий день Браслета проезжали в городе одного. Он привык к неизменному спутнику и один шел неохотно, часто оглядывался и ржал. Браслет не видел приятеля целую неделю. Старик ездил на нем по улицам без поддужного. Когда Рыбкин снова выехал на Браслете на беговой круг, жеребец хотел остановиться в воротах, но в это время мимо на Пегаше проехал Сенька. Браслет сорвался с места и пошел рядом. На следующий день, когда Рыбкин выехал со двора, Браслет сам свернул на ипподром.

* * *

В разгар рабочего дня на ипподром пришел Лысухин, чтобы проверить, как готовят к призу молодняк, недавно прибывший с его завода. На дорожках тренировалось много лошадей. Появления Браслета с поддужным Лысухин не заметил. Молодая лошадь-трехлетка, которой он был занят, шедшая очень резво, тяжело засбоила и стала. Лысухин поморщился и остановил секундомер. В это время мимо трибуны на замечательном ходу пронесся гнедой рысак. Перед Лысухиным мелькнули только часть крупа и трубой откинутый хвост.

«Громадного класса лошадь», – подумал он.

Наездник показался ему незнакомым.

«Гастролер, верно, – решил он. – Совсем мальчик, и уже ездит на такой лошади», – с удивлением всматривался он в наездника.

Заглядевшись на гнедого рысака, Лысухин прозевал, как снова пошла его трехлетка, и опоздал пустить секундомер. С досадой сунул он секундомер в карман. Рысак вышел из-за поворота и мчался по противоположной дорожке. Теперь от Лысухина его закрывала поддужная. Внезапно Лысухин побагровел и крепко сжал зубы. Он разом забыл и о гнедом рысаке, и о трехлетке. Рядом с незнакомой лошастью скакала поддужная из его собственной конюшни.

«Не может быть, чтобы без меня посмели», – успокаивал он себя, но другой такой поддужной припомнить ни у кого не мог.

Лошади вышли из-за поворота и приближались к Лысухину. Теперь гнедой рысак закрывал поддужную. Весь в мыле, он, распластавшись, летел по прямой к месту финиша. Но Лысухина интересовала сейчас только поддужная. Он видел, как Пегаш, выбившись из сил, галопом едва поспевал за рысаком.

«Мой», – убедился Лысухин и даже обрадовался, что наконец узнал. Взглянув на ездока, он изумился еще более, узнав в нем старика Рыбкина. И вдруг смутная догадка мелькнула в мозгу.

«Не может быть, чепуха!» – рассердился он.

– Браслетом любуетесь, Алексей Григорьевич? Редкая лошадь. Кто бы мог подумать, что она вернется на ипподром? – раздался рядом голос мелкого коннозаводчика.

Лошади съезжали с круга и проходили шагом мимо Лысухина.

Лысухин с трудом узнавал Браслета. Жеребец раздался в плечах и в крупе, только красивая породистая голова стала еще суше да в глазах появилось спокойное и ласковое выражение.

«Конюх Сенька Мочалкин», – узнал наконец Лысухин и ездока.

Скоро запыхавшийся конюх разыскал Рыбкина на проводном дворе.

– Беги в конюшню, сам дожидается, – взволнованно сообщил он старику.

Шаркая валенками и размахивая на ходу руками, Рыбкин заспешил следом за конюхом.

В конюшне, сидя на табуретке, ждал хозяин. Старик подошел к нему, снял шапку и молча поклонился. Лысухин долго рассматривал Рыбкина, словно забыл, как он выглядит, потом спросил:

– Ты что своевольничаешь?

Рыбкин переступил с ноги на ногу и промолчал. Он не понимал, куда клонит хозяин.

– Кто тебе позволил на резвую работу садить на Браслета мальчишку?

– Я за этого мальчишку отвечаю... как за себя, – твердо ответил Рыбкин.

– Берешь много на себя, старик, – упрекнул Лысухин. – Чем ты отвечаешь? Если понесет, разве мальчишка справится с ним? И его убьет, и сам убьется. Такому жеребцу теперь цена двадцать тысяч да еще штраф за мальчишку. Я не знал, что ты так богат.

– Он теперь смирный, на нем кто хочет поедет, – защищался Рыбкин.

– Почему ж ты сам не едешь?

– Руки у меня ослабли, тянет он на резвой, – глухо проговорил Рыбкин.

– Ладно, старик, я не сержусь на тебя. А скоро будет готов к призу жеребец?

– Хоть завтра, – оживился Рыбкин. – Приз наш наверняка.

Лысухин вынул из бумажника три красненьких десятирублевки и протянул их Рыбкину:

– Вот за труды получай пока.

– Благодарю покорно, – поклонился Рыбкин.

– Мальчику передай, чтобы старался. А с завтрашнего дня прежний наездник будет Браслета к призу готовить. А ты отдохни.

Рыбкин дернул головой. По лицу у него поползли красные пятна.

– Несправедливо это, – тихо сказал он. – У нас уговор был, что

Браслета я после приза сдаю. Не пойдет лошадь – до конца жизни отслуживать буду. Крепостной вроде, а пойдет – с приза мне сотню.

– Но позволь, голубчик, ты же сам сказал, что ты с ним не справляешься. А сотню ты получишь и так.

– Мочалкин справляется. Я его учил. Разрешите ему.

– Дуришь, старик. Какой же он наездник!

– Мочалкины из рода в род наездники, – настаивал Рыбкин. – Еще от графа Орлова идет. Его прапрадед Семен Мочалкин на Барсе Первом ездил. У него кровь наездническая. Он справится.

– Жирно будет для первого раза на такой лошади ехать. Ты видел, чтоб с таких лошадей начинали? – спросил Лысухин.

– Он справится. У Браслета все шансы.

– Вот почему я не могу допустить. А если не возьмет приза? Ты мне пять тысяч тоже отрабатывать будешь? Что, ты очень долго жить собираешься? Довольно. Мы прекратим этот разговор.

Рыбкин постоял с минуту, потом, не говоря ни слова, повернулся и пошел к выходу. Он еще сильнее прежнего шаркал валенками.

Через два дня в конюшне появился Савин. Браслет ждал его уже в сбруе. Сенька хотел предупредить, что Браслет привык к поддужному, но не решился заговорить с важным наездником.

Когда наездник забрался в качалку и взял вожжи, к нему подошел Рыбкин.

– Не поедет он один, я его с поддужным работал.

– Спасибо за совет, – поблагодарил Савин.

Промяв жеребца, наездник постепенно стал отпускать вожжи и переводить Браслета на мах. Браслет пошел быстрее. Седок собирался уже пустить его врезвую, как вдруг жеребец без всякой видимой причины пошел ленивой, небрежной размашкой. Наездник приподнял правую вожжу и звонко щелкнул языком. Браслет вздрогнул. Он завертел головой по сторонам и заржал, но быстрее не пошел.

«Старик прав», – решил наездник и подобрал вожжи.

Он ждал. Сзади переходил на мах знаменитый серый рысак. Скоро он поравнялся с Браслетом, и некоторое время лошади шли рядом. Браслет покосился на уходящего соседа, фыркнул и потянулся вперед. Наездник чуть-чуть отпустил вожжи. Поравнявшись с серым рекордистом, Браслет пошел махом.

Рекордист ускорил ход, картинно высоко выбрасывая ноги.

Браслет без рывка плавно пошел вперед. Низко осев над землей, он широкими взмахами захватывал дорожку. Лошади мчались рядом, голова в голову. Прошли полкруга. Браслет тряхнул головой и сделался еще ниже.

Он ринулся вперед, зло кося глазами на соседа. Наездник улыбнулся, оскалив редкие широкие зубы, и, подобрав вожжи, придержал его.

Оставшись один, Браслет увял.

Савин съехал с круга и, сойдя с качалки, сказал Рыбкину:

– Отъездить такую озлобленную лошадь мог только очень большой

наездник. На всей земле таких тренеров, которые сумели бы это сделать, немного. Я считал его конченным. – И Савин крепко пожал заскорузлую ладонь Рыбкина.

Рыбкин покраснел и залепетал быстро и многословно:

– Перетянули его, а теперь отдохнул он. Годы опять же подошли. В силу лошадь вошла. Теперь ему ничего не страшно. А резвости своей он еще и половины не показал. Он еще поставит рекорд, помяните мое слово. Я, может, не доживу до этого. Другой такой лошади на ипподроме нет и давно не было. Только без Сеньки я бы с ним не справился. Восемьдесят третий год мне пошел. Его Сенька на приз хотел подготовить, – ткнул он пальцем в сторону Сеньки. – Способный паренек, наезднических кровей. Да не моя лошадь, не моя воля.

Наездник приказал Сеньке, собиравшемуся водить лошадь:

– Передай лошадь другому. Ты со мной на поддужной поедешь. Я сам посмотрю, какой ты.

Савин ежедневно тренировал Браслета. Гордый наездник при встречах неизменно первый торопился здороваться с Рыбкиным за руку. Этой чести у него не всегда добивался даже управляющий конюшней. Однако Сеньку он не удостаивал и кивком головы. Он доверял ему разную работу на лошадях невысокого класса, но за все время Сенька не слышал от него ни одного ободряющего слова. Зато ругал его Савин часто и подолгу. Даже во время езды он ухитрялся сердито отчитывать Сеньку на ходу. Рыбкин наблюдал за муштрой, ухмылялся в усы и удовлетворенно покачивал головой.

Один раз, после того как Савин особенно долго и сердито отчитывал Сеньку, к нему подошел Рыбкин и, раздумывая, с паузами, проговорил:

– Повезло тебе, парень, вот поди узнай наперед, где найдешь, где потеряешь. А на призы ты еще наездишься. Я за всю жизнь хозяевам большие тысячи заработал. Может, этих тысяч больше было, чем теперь у меня волос на голове. Всех этих лошадей на эти деньги купить можно. А в гроб все равно в рваных штанах положат. А что всего обидней, так то, что за всю мою жизнь сколько коней через мои руки прошло, сколько я через них муки принял, на каких жеребцах ездил, а вот на кладбище на кляче третьего разряда стащат... Ты его слушай, Африкана. У него есть чему поучиться.

Первый приз Браслет выиграл легко. После бегов у наездника состоялась долгая беседа с Лысухиным. Он выговорил право записывать Браслета на приз только по своему усмотрению, Лысухин в этот день уезжал и, прощаясь, передал конверт с двумястами рублей – доля наездника с пятитысячного приза и семьдесят рублей для Рыбкина.

– Тридцать рублей Рыбкин уже получил, – попросил он напомнить.

Наездник, выйдя от Лысухина, купил конверт, положил в него семьдесят рублей Рыбкина, прибавил к ним сто своих и поехал на конюшню.

– Хозяин уехал сегодня, – сказал он Рыбкину, – и поручил мне

передать вам этот конверт и его благодарность. Сам он не успел заехать, чтобы поблагодарить вас лично.

Как только наездник ушел, Рыбкин разыскал Сеньку и, сунув ему в руку семьдесят рублей бумажками, как всегда, сердито пробурчал:

– Хозяин тебе приказал передать за Браслета, только смотри не балуй. Старик получал в месяц двадцать рублей жалованья. Сто рублей было для него состоянием.

В тот же день на гвозде в его каморке появился новый, крытый тонким английским сукном, роскошный казакин.

Глава четвертая

Прошло еще два года. Браслет II стал знаменит. Газеты печатали о нем статьи. Его имя в афишах писалось аршинными буквами. Открытки с его изображением раскупались быстрее фотографий генералов. Браслет II выигрывал состязание за состязанием, и его известность и слава росли. Браслета без передышки тренировали от приза к призу. Могучий организм его без повреждений выходил из многих рискованных и тяжелых состязаний. Рыбкин уверял, что только теперь Браслет входит в свою настоящую силу и приближается к рекорду. За эти два года он еще больше изменился. Теперь это была лошадь редкой красоты. Широкая грудь, сухие, упругие мускулы, гордая шея, сухая арабская голова, украшенная черными, навывкате, глазами с краешком голубого белка, и тонкие, крепкие, как железо, ноги. Гнедая шерсть лоснилась и отливала голубым, и по коричневой, блестящей рубашке обозначались темные яблоки.

Браслет стоял в той же конюшне, но в новом, огромном, светлом деннике. Лысухин умел создавать рекламу. Нажив на Браслете целое состояние, он окружил его пышной и ненужной роскошью. Стены денника выкрасили масляной краской и обвесили дорогими попонами. Наружная стена до окна была покрыта толстым, мягким ковром, широкое окно завешено тонкой тюлевой занавеской, в углу, на высоких тумбах, красовались пестрые китайские вазы. Большой штат специальной прислуги обслуживал Браслета. У двери его денника днем и ночью попеременно дежурили два бородатых казака.

Газеты посвящали целые столбцы знаменитому жеребцу, подробно описывая устройство его денника, режим и пищу.

Браслету давали сахар, яйца, яблоки, морковь и финики. И все же под кожей у него нельзя было прощупать ни малейшего слоя жира. Тренировал и ездил на нем по-прежнему знаменитый наездник. Но Сенька из конюшни исчез. Полгода назад на утреннюю уборку вместо него пришел новый конюх.

Новый конюх чистил и убирал Браслета быстро и умело, но никогда не разговаривал с ним.

Браслет привык к ласке. Он невзлюбил конюха с первого же дня. К тому же его раздражал тяжелый, непривычный запах винного перегара, разносившийся по деннику.

Когда в конюшню неожиданно пришел Сенька, Браслет вдруг

почувствовал, что на груди, под шерстью, у него зашевелился теплый комок. Он заржал и ткнулся головой в Сенькино плечо. Сенька гладил его, перебирая пальцами между ушей. Браслет поднял голову и недоверчиво уставился на своего друга. На Сеньке была незнакомая серая фуражка с металлической кокардой на околышке.

Сенька взял щетку и еще раз вычистил Браслета. Потом обнял его за шею и припал головой к голове. Теплая капля упала Браслету на губу. Он попробовал – капля имела приятный солоноватый вкус. Жеребец вытянул губы, но капель больше не было, и он обиженно дернул головой. Тогда Сенька как-то странно шмыгнул носом и выскочил из денника. Больше Браслет его не видел.

За эти два года Браслет много работал. Призы давались нелегко, не раз успех висел на волоске. Но теперь Браслет был испытанный боец. Три трудных года на ипподроме превратили его тело в механизм огромной силы и резвости. И в этом сложном механизме билось большое, мускулистое сердце. Сердце наполняло его вместе с потоками горячей крови жаждой победы и ненавистью к поражению. Десятки тысяч предлагали хозяину за Браслета, но Лысухин упорно отказывался продать его.

* * *

Неожиданно жизнь резко засбоила. Началось с фиников. Браслету перестали давать финики. Следом за ними исчезли яблоки, а через месяц Браслет получил уже овес без сахара. Он набрал его в рот и брезгливо выплюнул. Потом, раздув ноздри, закружился по деннику и стал рыть подстилку копытами. Люди разом разучились понимать его желания. Они не обращали на него внимания. Тогда он решился напомнить о себе. Он заколотил копытами по двери так, что из-под подков полетели щепки. Удары грохотали, как выстрелы. В соседних денниках заволновались другие лошади. Бунт разрастался с катастрофической быстротой. Конюхи с трудом усмирили его. Зачинщика стегнули хлыстом. Браслет забился в угол и простоял до вечера, не притрагиваясь к овсу. Только поздно вечером из денника послышался равномерный хруст и сердитое фырканье. Браслет недовольно поглощал овес.

Однажды больше половины конюхов не явилось на работу. Весь день в городе стреляли. Ночью Рыбкин стащил с ларя попону, которая служила ему постелью, на пол. Новый номер бегового журнала лежал неразрезанный. Свет в конюшне был притушен, только посередине коридора под потолком тускло светила красноватым светом одинокая угольная лампочка.

Перед утром у самой конюшни, как подковы по мерзлой земле на финише, захлопали выстрелы. Браслет взвизгнул и заметался по деннику. Лампочка мигнула и погасла. Тогда тихо открылась дверь, и в денник вполз неуклюжий, сопящий зверь, размером с большую собаку. Браслет шарахнулся в сторону и угрожающе захрипел.

– Тише ты, тише, дурачок, не в нас стреляют, чего испугался!.. – зашептал знакомый человеческий голос.

Браслет разглядел в темноте гостя. На голове, надвинутый на нос, сидел знакомый картуз. Моржовые усы прижались к носу и дрожали. Четвероногий, с дрожащими усами, Рыбкин был подозрителен, и Браслет долго косил на него глазами, не меняя угрожающей позы. Выстрелы скоро стихли. Тогда Рыбкин встал на дыбы и с выражением сказал:

– Довертелись до ручки. Пропадут лошади.

* * *

Наутро почти никто не пришел в конюшню. А через неделю на работу явился только конюх, убравший Браслета. В денник он вошел, держа в руках вместо щетки и скребницы клещи для гвоздей. Он пнул кулаком сунувшегося к нему Браслета и быстро сорвал со стены ковер. В коридоре ему загородил дорогу Рыбкин.

– Ты что надумал? Повесь на место, а то сведу куда следует, – пригрозил он.

Конюх сгреб старика за грудь и, раскачав, швырнул в угол. Рыбкин пролетел сажени две, ударился о стену и растянулся без движения. Только минут через десять старик поднял голову и сел. Он долго сидел неподвижно, молча уставившись в стену, потом жалобно всхлипнул и по-детски заплакал. Слезы скатывались по ровчикам морщин к разбитому носу и, смешиваясь с кровью, окрашивали усы в ярко-малиновый цвет. Старик отплевывался, всхлипывал и жалобно шептал:

– Что теперь будет? Загубят лошадей. Долго ли сгубить породу? А потом ищи-свищи, хватятся – да поздно.

Пошатываясь, он добрался до крана и подставил голову под холодную струю. Успокоившись и умывшись, он напоил лошадей и засыпал корм. Потом, вооружившись щеткой и скребницей, по очереди вычистил всех лошадей.

Целую неделю никто не заходил в конюшню. Рыбкин чистил и убирал всех лошадей один. А потом пришел какой-то незнакомый человек и о чем-то долго расспрашивал Рыбкина. Как только он ушел, старик заволновался, надел на Браслета недоуздок и вывел его из денника.

Во дворе, в самом далеком углу, приютился маленький, ветхий дощатый сарай. Сарай служил складом для ломаной упряжи и хлама и был загорожен доверху. Очистив один угол от рухляди, Рыбкин поставил в нем Браслета. Потом, охая, часа два подряд носил в сарай мешки с овсом и тюки сена.

Сбросив с плеч последний тюк, Рыбкин долго сидел на нем, отдуваясь и шевеля усами, как старый, сытый таракан. Потом он обмотал копыта Браслета тряпками и вышел из сарая, плотно прикрыв дверь. Но не успел он сделать и двух десятков шагов, как услышал позади себя громкое и тревожное ржание. Старик повернулся и вприпрыжку добежал к сараю.

– Тише ты, тише! – замахал он руками на лошадь.

Пошарив в углу, он извлек из-под хлама старую заржавевшую гирю и, обмотав ее веревкой, привязал к основанию хвоста Браслета. Браслет хотел заржать, но хвост свисал книзу, и приподнять его он не мог, а ржать с

опущенным хвостом ни одна уважающая себя лошадь не станет. С гирей на хвосте Браслет молча простоял до позднего вечера. Он слышал, как на дворе разговаривали незнакомые люди и ржали знакомые лошади. Несколько раз он пытался подать голос, но каждый раз ему мешал хвост. Вечером с охапкой попон пришел в сарай Рыбкин. Он сбросил в угол попоны и отвязал гирю.

– Смотри ты у меня, отец дьякон. Я тебе поору, – пригрозил он, засыпая Браслету корм.

С Рыбкиным Браслету стало спокойнее и веселее. Старик устроился на попонах и скоро заснул. Браслет долго хрустел сеном и, поглядывая на Рыбкина, медленно кивал головой.

* * *

Две недели Рыбкин и Браслет прятались в маленьком дощатом сарае. Большой, шумный двор с рядом конюшен опустел и вымер. Первые дни еще заходили несколько раз незнакомые люди, осматривали пустые конюшни и разговаривали с Рыбкиным. Дощатый сарайчик их не интересовал. Потом посещения прекратились. По ночам, ежась под попоной от холода, Браслет слышал, как рядом отбивали мелкую дробь зубы Рыбкина.

После одной очень холодной ночи Рыбкин исчез на полдня.

Вернувшись, он взял молоток, гвозди, сверток колючей проволоки и наглухо забаррикадировал ворота с улицы.

Вечером Рыбкин перевел Браслета в конюшню. Браслет соскучился по лошадям и теплomu деннику. Он рванулся вперед и влетел в конюшню, но в коридоре разом остановился и громко потянул воздух. Пахло прелой соломой, мышами, затхлостью. Терпкий запах лошадиного пота исчез. Двери всех денников были открыты, непривычная пустота и тишина в знакомой конюшне пугала и настораживала. Браслет прижал уши и, осторожно, ступая, подобрался к первому открытому деннику, готовый каждую минуту к бою. Грозно хрипя, он обходил денник за денником. Но денники стояли пустые. Напрасно он долго хрипел перед каждой открытой дверью и бил об пол копытами. Вызов принять было некому. Только из его денника проковыляла огромная лохматая крыса, недовольная, что нарушили ее покой. По-хозяйски, не спеша, она шествовала по коридору, волоча по земле большой, раздувшийся живот. Маленькие крысиные глазки смотрели на Браслета насмешливо и зло. Доковыляв до конца коридора, она с трудом протиснулась в свежую нору.

Жеребец обнюхал свой денник и повернулся к стоящему у входа Рыбкину, словно спрашивая, что это значит.

Сморщенный, маленький Рыбкин за эти две недели как будто стал еще меньше. Шапка, пиджак, сапоги – все казалось на нем не по росту велико и давило к земле. Маленькие, слезящиеся глазки были тусклы. Браслет ласково ткнул Рыбкина носом в плечо. Старик очнулся, погладил лошадь и вдруг, весело улыбнувшись, сказал:

– Ну, вот и вернулись.

Потом хитро подмигнул Браслету и достал из кармана штанов большой старинный кошелек с секретом. Из кошелька он вытащил вчетверо сложенную бумажку и, бережно развернув, медленно, с чувством прочел вслух. В бумажке говорилось, что гражданин Рыбкин назначается комендантом и ему поручается охрана двора и пустых беговых конюшен. В конце бумажки разместились две размашистые подписи и круглая лиловая печать.

Скоро в конюшне закипела работа. Менялась подстилка, мелся пол, снималась с потолка и стен паутина. С этого дня старик как будто ожил и помолодел. Ходил он молодецкато, по-военному, похлопывая валенками. Один раз даже попытался закрутить кверху усы, но безуспешно. Старый тулуп его изорвался окончательно, и Рыбкину пришлось надеть новый праздничный казакин, купленный два года назад на деньги, полученные от Лысухина. На заколоченные ворота он прибил кусок фанеры с надписью:
ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Комендант Рыбкин

Против денника Браслета в коридоре стоял большой пустой ларь. Рыбкин перетащил из сарайчика и ссыпал в него весь запас овса. Сверху он покрыл ларь попоной и устроил себе очень хорошее, мягкое ложе. Ларь был почти полон, и ложе Рыбкина торчало сверху, как гнездо гигантской птицы. Он совсем переселился в конюшню и перенес туда все несложное свое имущество.

С Браслетом он старался не расставаться даже на час. На ночь он забирался в ларь, набросив сверху на себя полдесятка попон. Отпугивала ли грозная надпись, или просто никого не интересовали владения коменданта Рыбкина, но за все время ни один человек не попытался проникнуть в пустые заколоченные конюшни. И если бы кто-нибудь и вздумал забраться поздно вечером в пустынный двор, он увидел бы странное зрелище. В темноте на длинной корде носился по кругу крупный гнедой жеребец. В центре круга стоял маленький человечек, похожий на гнома. Человечек щелкал языком и помахивал хлыстиком. Жеребец, далеко выбрасывая ноги, бесшумно плыл над поверхностью. Копыта, ударяясь о землю, производили слабый, едва слышный звук. Город в эти годы замирал с наступлением темноты. После девяти на неосвещенных улицах редко можно было встретить человека. Когда стихали последние шумы, старик выводил жеребца на проминку. Из предосторожности на копыта Браслета надевались войлочные башмаки, сшитые Рыбкиным из старых валенок. Башмаки заглушали шум подков.

Рыбкин тренировал Браслета ежедневно. Жеребец был в хорошем состоянии, овса и сена он получал теперь мало, но все же достаточно, чтобы не похудеть при легкой работе. Сильная мускулатура его поддерживалась ежедневным легким тренингом.

Так прошло два месяца. За это время ложе Рыбкина, торчавшее сверху ларя как гнездо аиста, постепенно и незаметно стало уходить вглубь.

Теперь Браслет в своем деннике должен был опускать голову, чтобы увидеть лежащего напротив Рыбкина. День за днем ларь словно засасывал старика, и чем глубже уходил старик вниз, тем холоднее и суше делалось у него лицо. Рыбкин уменьшил ежедневную порцию овса, и Браслет заметно спал с тела. Овса он теперь получал очень мало, сена тоже не вволю. Рыбкин изменил рабочий режим. По вечерам уже не было широкого маха, а только тихий и недолгий трот.

К концу третьего месяца Рыбкин спал почти на дне. Браслет получал теперь только раз в день овес и немного сена, но была какая-то черта, ниже которой старик боялся опускаться. Дойдя до нее, он задавал Браслету скудный корм и надолго уходил из конюшни.

Вечером он возвращался усталый, но с мешком за плечами. Он долго кряхтел и возился у ларя, и Браслет, замирая, слушал, как, пересыпаясь из мешка в ларь, шелестел овес.

В эти дни он получал добавочную порцию, а ложе Рыбкина поднималось на несколько сантиметров вверх.

Постепенно исчезли из конюшни уздечки, недоуздки, попоны, удила, седелки. Больше обменять на овес было нечего, и Рыбкин дошел до дна.

Он спал теперь на голой соломе, покрываясь своим единственным синим казакином. Спасаясь от холода, он на ночь захлопывал крышку ларя и лежал как в гробу.

По ночам голодные, лохматые крысы устраивали вокруг него дикий шабаш. Они шумно грызли ларь, пытаясь урвать что-нибудь из драгоценного корма.

Браслету постоянно хотелось есть. Он уже не кружился по деннику, а уныло стоял у решетки, следя голодными, блестящими глазами за каждым движением Рыбкина. Рыбкин сновал по конюшне, как лунатик. Он раз десять в день мел пол, снимал паутину, чистил пустые денники, все время зябко поеживаясь от холода, и шевелил усами.

Теперь усы часто останавливались на полдороге. Рыбкин застывал на месте и долго стоял, уставившись в одну точку. Потом усы медленно сходили с места и ползли дальше. Рыбкин встряхивал головой и продолжал свой путь.

* * *

Было совсем темно. Рыбкин давно перестал зажигать на ночь фонарь. Электричество не горело. Браслет стоял у решетки дверей и не отрываясь глядел на ларь. Сегодня ему особенно хотелось есть. Он уже часа два не спускал глаз с заветной крышки. В эту ночь в конюшне стояла необыкновенная тишина. Не было слышно шумной крысиной, возни, писка и стука. Крысы исчезли. За всю ночь Браслет не видел ни одной.

Наконец настал час кормежки. Рыбкин не пошевелился. Браслет беспокойно заржал и сразу же виновато отошел в глубь денника. Прошел еще час и еще час. Голод мучил нестерпимо. Время от времени Браслет жалобно и тревожно ржал, но даже слабого шороха не слышалось в ответ. И только когда совсем рассвело, тихо открылась крышка и Рыбкин не

спеша вылез наружу.

Браслет заплясал на месте и, тыкая носом в решетку, тянулся к старику.

Рыбкин даже не взглянул на него. Он прошел мимо и вернулся с ведром воды.

От воды Браслет отказался. Он хотел есть, а не пить. Браслет тряс головой и громко стучал об пол копытом, поторапливая старика.

Рыбкин ушел и пропал. Браслет волчком кружился по деннику, не в силах ждать на одном месте.

Но вот зашаркали подошвы – казалось, что Рыбкин совсем не поднимает ног и волочит их далеко позади.

Браслет обрадовался и загарцевал на месте. Он хорошо знал, что такая походка обозначает тяжелую ношу. Браслет так давно не ел вволю. Но старик тянулся медленно-медленно.

Наконец он показался в дверях. У Браслета от удивления отвисла губа. Рыбкин шел с пустыми руками. Только под мышкой торчал маленький пучок сена-трухи.

Браслет громко и возмущенно заржал, требуя объяснения. Сегодня первый день за все эти месяцы, когда Браслету разрешалось громко ржать. Рыбкин бросил сено в денник и пошел прочь, даже не закрыв за собой дверь.

Браслет все еще надеялся и ждал.

Рыбкин надел казакин и направился к двери.

Хлопнула дверь, щелкнул замок. Браслет ждал. Рыбкин ушел и не возвращался.

Первый раз за все это время Рыбкин ушел надолго из конюшни, не вычистив Браслета, с пустыми руками. И первый раз сегодня Браслет не получил ни зернышка овса. Не дождавшись овса, Браслет принялся за сено. Труха показалась ему необыкновенно вкусной, но она быстро исчезла, а голод не уменьшился.

Браслет вышел в коридор и обошел все денники, подбирая завалившиеся кое-где сухие травинки, Рыбкин все не возвращался.

Браслета мучили голод и скука. Без толку бродил он по огромной конюшне и остановился у открытого ларя. Наклонив голову, он обнюхал дно, прикрытое рогожей. Сухая соломина больно кольнула его в нос. Браслет фыркнул, схватил соломину зубами и разжевал ее.

Неожиданно он сделал необычайное открытие.

У соломы был довольно приятный вкус. Тогда, отбросив рогожу, он набрал полный рот прелой соломы и стал жадно ее жевать. Ему было необыкновенно приятно двигать челюстями.

В желудке прекратилась воркотня, и стало теплее. Скоро ларь был очищен до последней соломины.

Только поздно вечером послышались знакомые шаги. Скрипнула дверь, и вошел Рыбкин.

Браслет шарахнулся от него, как от чужого. Вместо роскошного, до

пят, казакина на Рыбкине был надет куцый рыжий полушубок. Из прорех под мышками торчала буро-грязная овчина.

Старик сбросил на землю тяжелый мешок, и Браслет мгновенно забыл о полушубке. Он по звуку безошибочно определил, что в мешке овес, и радостно, громко заржал. Рыбкин улыбнулся и насыпал полную кормушку овса. Потом снова ушел из конюшни.

Теперь Браслет даже не заметил его ухода. Он наслаждался овсом.

Скоро Рыбкин вернулся со связкой сена за плечами.

Браслет давно не был так сыт и доволен, как в эту ночь. Он сладко дремал, переваривая корм. Крысы больше не появлялись, но покой его нарушал Рыбкин.

Всю ночь он ворочался, кряхтел и вздыхал в своем пустом ларе. Утром Браслет опять получил вволю овса и сена. Старик долго его чистил и убирал, как будто хотел отдать долг за вчерашнее. Он ласкал и гладил Браслета, но за все утро не произнес ни слова.

Кончив уборку, Рыбкин натянул на себя рыжий полушубок и ушел из конюшни. Вернулся он только к вечеру.

Засыпав корм, старик остался в деннике и долго не отрываясь глядел на Браслета. Потом, не дожидаясь темноты, в первый раз после перерыва запряг его в качалку и долго проезжал по двору шагом.

В конюшне Рыбкин достал откуда-то толстый огарок и зажег фонарь. Еще раз тщательно вычистив Браслета, он заплел ему гриву и хвост на множество мелких косичек и вычистил щеткой копыта.

В фонаре горела свеча. В кормушке лежал несъеденный овес. Браслет дремал. В деннике, на табурете, прижавшись к углу, сидел не шевелясь Рыбкин. Давно перевалило за полночь. Старик не ложился. Он сидел в своем рваном полушубке не двигаясь, словно окаменел, только чуть-чуть шевелились усы.

Браслет несколько раз тыкал старика носом. Рыбкин медленно, с усилием поднимал руку и дотрагивался до носа лошади. Пальцы у него были холодные, и Браслет недовольно фыркал и отворачивался.

Догорела и погасла свеча. В окна конюшни лениво пробивался холодный, зимний рассвет. Рыбкин поднялся и, шаркая валенками, принес Браслету воду. Напоив лошадь, он одеревеневшими, негнущимися пальцами с трудом расплел косички.

Браслет разом стал очень наряден. Его густые, мягкие грива и хвост сделались еще гуще, пушистее и завились локонами.

Почистив и накормив лошадь, старик опять замер на прежнем месте, не сводя с Браслета глаз.

За двое суток старик не произнес ни одного слова.

Рано утром кто-то громко застучал в дверь конюшни.

Рыбкин вздрогнул и остался сидеть.

– Эй, старик, вставай! Будет спать!

Рыбкин поднялся и, двигаясь как автомат, снял со стены роскошную выводную уздечку. Эту уздечку на Браслета надевали только тогда, когда

выводили его к трибуне в день розыгрыша больших призов.

В дверь опять застучали.

Рыбкин взял повод и повел Браслета к выходу.

На пороге стоял высокий человек, почти мальчик. Заячья шапка с ушами закрывала половину правильного, красивого лица. Клок черных волос лихо выглядывал из-под шапки.

– Ну, дедко, показывай своего одра, – весело сказал гость.

Рыбкин вывел Браслета во двор.

Браслет шел, красуясь и приплясывая, как на выводке.

У гостя широко открылись глаза. Он обежал несколько раз вокруг лошади и почесал за ухом.

– С виду товар – ничего не скажешь... Ну, а порча у него в чем?

– Нет у него порчи, – первый раз открыл рот Рыбкин.

– Не мути, дедко. Кто же такую лошадь даром отдаст, если она без порчи? Тебя в деревне за нее с ног до головы оденут и до смерти кормить будут.

– Порчи у него нет. А жеребец не мой. Берег я его для бега. Или на конный завод думал сохранить. Кровь у него знаменитая и порода редкая. Чужого коня продавать не буду. Бери даром и храни. Корм у меня вышел... Видишь, отощал он, – монотонно объяснил Рыбкин.

– У нас кормят хорошо, не беспокойся, – сказал гость.

– Знаю, потому и пришел к вам, – ответил Рыбкин. – Ну, трогай. – И он передал гостю повод.

– Спасибо тебе, дедко, от рабоче-крестьянской власти. Лошади нам теперь очень нужны, – сказал гость с чувством.

– Ладно, ладно, трогай, не прохлаждайся, – сердясь, торопил Рыбкин.

Гость взял повод и повел Браслета к выходу. Ворота еще с вечера были отперты и грозное предупреждение коменданта снято.

Уже на улице их догнал запыхавшийся Рыбкин.

– Подожди! – крикнул он.

Гость остановил Браслета. Рыбкин опустил руку в глубокий карман брюк и извлек на свет сверток.

В большой газетный лист был завернут крохотный кусочек черного хлеба – дневной паек Рыбкина.

Старик сунул хлеб Браслету и пошел назад, не оглядываясь. Гость тронул повод. Браслет торопливо проглотил хлеб.

Через несколько шагов Браслет оглянулся.

В просвете широко открытых ворот, как в огромной раме, стоял маленький человек. Он стоял не шевелясь и опустив руки. Усы неподвижно свесились книзу, как крылья замерзшего на лету воробья. На кончиках крыльев застыло по крупной ледяной горошине.

Браслет тихонько заржал. Гость потянул за повод, и, потрянув головой, жеребец послушно пошел за ним следом.

Глава пятая

Новый хозяин Браслета носил длинное и пышное имя – Автогужтранс.

Браслета поставили в огромную конюшню на полсотни денников. В тот же день его перековали на толстые городские подковы. Кузнец с издевкой вертел в руках и гнул старые беговые подковы – тонкие металлические пластинки с желобом внутри. Новые подковы первое время лишним грузом висели на ногах, но скоро Браслет к ним привык.

К вечеру в конюшню стали возвращаться лошади.

Браслет четыре месяца не видел ни одной лошади. Близость их его волновала и радовала. Он громко ржал и, задрвав голову, гоголем ходил по деннику.

Лошади не обращали на Браслета внимания. Они набрасывались на корм, потягивали и расправляли уставшие за день мускулы.

Жильцом соседнего денника оказался огромный бурый брабансон Митька, гордость всей конюшни.

Это был толстый жеребец на коротких ногах, с толстой шеей и маленькими, злыми глазами на мясистой голове.

Жеребцы сразу же захотели познакомиться. Уткнув головы в решетку, они долго обнюхивали друг друга и с храпом втягивали воздух. Потом одновременно прижали к затылку уши и, оглушительно взвизгнув, изо всей силы заколотили копытами по перегородкам.

Война была объявлена.

Наутро заведующий Палкин, он же вчерашний гость Рыбкина, и другой, маленький, кривой на один глаз, вывели Браслета из денника и надели на него рабочую сбрую. Браслет попробовал было стать на дыбы.

Но ему пригрозили кнутом, и он покорился. Только в глазах его загорелись холодные зеленые огоньки.

Больше всего остального его раздражал хомут. Хомут лег на плечи свинцовым грузом, он мешал двигаться плечам и гнул книзу гордую шею.

Будь здесь Сенька или Рыбкин, они, наверное, посоветовали бы дать жеребцу привыкнуть к новой сбруе и пока не торопиться впрягать его.

Браслет стоял спокойно, только кожа подергивалась мелкой дрожью, как от озноба, да уши ни минуты не стояли на месте.

Кривой Федька набросил на него седелку и принялся затягивать ремень. Вдруг он поднял голову и удивленно посмотрел на Браслета.

– Ты что? – спросил Палкин.

– Жеребенок вроде с секретцем получается. Подпруга не сходится.

Разрази меня на месте.

– А ты говорил, жидковат для ломовой качки, – упрекнул Палкин.

– погоди, рано хвастаться, – остановил Федька.

Принесли новую седелку. И Федька, уже забыв недавнее сомнение, тыкал в бок Браслета пальцем и кричал:

– Гляди, гляди, на одну только дырочку меньше, чем у Митьки!

Разрази меня на месте.

Браслета запрягли в тяжелые ломовые сани.

Федька тронул вожжи. Жеребец рванул вперед и разом остановился.

Хомут и оглобли сползли к ушам. Браслет закинулся, танцевал на месте и

не хотел идти. Федька больно стегнул его ремнем под живот. Тогда он как ошпаренный вылетел на улицу.

Обида и раздражение напрягли мускулы и затуманили голову. Выкатив невидящие, помутневшие глаза, он понес, не разбирая дороги.

Тяжелые ломовые сани летели за взбесившейся лошадей, почти не касаясь земли. Ухватившись руками за дно саней, плашмя лежал Палкин. Федька уперся ногами в передок и повис на вожжах. Удила разорвали Браслету рот.

Лошадь отупела от ярости и не чувствовала боли.

Браслет II, лучший рысак ипподрома, не знавший сбоев потомок рысаков-рекордистов Старого и Нового света, для которых рысь стала естественным аллюром, неся галопом, огромными скачками поглощая пространство.

Прохожие испуганно прижимались к домам. Палкин и Федька вылетели из саней. Сани треснулись о тумбу и разлетелись вдребезги. Даже не заметив случившегося, обезумевший Браслет помчался дальше. Две оглобли – все, что осталось от упряжки, – чертя по снегу зигзаги, тянулись по бокам.

Заскочив в тупик, Браслет с полного хода ударился о деревянный забор и рухнул вместе с ним на землю. К нему подбежали Палкин и Федька и помогли подняться. Он стоял, покрытый пеной, и тяжело и шумно дышал. Белая пелена медленно сползла с глаз. Напряженно и тоскливо смотрела лошадь на людей. Казалось, что Браслет только что проснулся и не мог понять, где он и что с ним. Розовая пена капала с губ на снег.

Серьезных повреждений и ушибов на нем не было.

С опущенной головой покорно поплелся Браслет за возчиками.

Поравнявшись с осколками саней, Палкин сказал Федьке:

– Дешево отделались. Другой раз дуракам наука. Надо его исподволь приучать. Он, может, никогда и хомута не видел.

– С таким злодеем и повозиться не грех, – потирая разбитую скулу и припухший глаз, ответил Федька.

Он уже влюбленными глазами смотрел на Браслета.

– А как звать его? – спросил он.

– Забыл спросить, – огорчился Палкин.

– Ну, тогда назовем Злодеем.

– Ладно, – согласился Палкин.

Так Браслет II переименовал имя отца на имя матери.

* * *

Когда на следующий день на Злодея надели хомут и сбрую, он уже не дрожал и не протестовал. Но его не запрягли, а привязали сзади саней. Злодей целый день проходил следом и быстро привык к городскому шуму. Через день его опять запрягли в сани. Федька осторожно тронул вожжи, и Злодей спокойно пошел за другими лошадьми. Со стороны казалось, что он всю жизнь ходил в хомуте и таскал за собой тяжелые сани.

Федька восхищенно щелкнул языком. Браслет вздрогнул и рванул. Ожидая бури, Федька схватился за вожжи. Но Злодей остановился. Он не понимал, чего от него хотят, и огляделся на своих недогадливых ездоков. Первым опомнился Федька. Громко захохотав, он подскочил к Злодею, чмокнул его в нос и сунул в губы кусок хлеба.

Федька вспомнил, что на беговом кругу лошадей посылают вперед, щелкая языком.

* * *

Федьке упорно не везло в жизни. Левого глаза он лишился еще ребенком. В чужие люди он ушел с десяти лет. Попав из деревни в город, он сразу определился в ломовой извоз.

За двадцать лет работы он переменял десятки хозяев и сотни лошадей. Работал он всегда без лени, но – виноват ли кривой глаз или невзрачный вид – ни уважения, ни авторитета Федька себе не заработал.

В Автогужтранспорте он получил в езду Милку, костлявую пегую кобылу, тоже кривую на левый глаз.

Это совпадение не давало покоя местным острякам.

Кобыла оказалась норовистой, и не проходило дня, чтобы она не устраивала представлений.

Милка отличалась необыкновенно чувствительным нравом. От малейшей обиды она останавливалась, и ни мольбы, ни побои, ни угрозы не могли ее сдвинуть с места. Она неуклюже лягалась задом и норовила хватить Федьку зубами.

Ежедневные ссоры Федьки с Милкой длились часами. Истерические выкрики Федьки сопровождались ливнем острот и советов товарищей.

В обозе, как и при дворе московских царей, блюлось строгое местничество. Головным в обозе ходил Митька. На нем ездил тяжелый рыжебородый конюх по фамилии Чуркин.

Место зависело главным образом от качества лошади. Завоеванным местом дорожили и без боя не отдавали. Занять самовольно чужое место считалось преступлением. Ценились сила и выносливость. Только они и могли повысить лошадь в ранге и подвинуть ее от хвоста к голове обоза. Федька с Милкой замыкали обоз.

Две недели тому назад Милку выбраковали из обоза, и Федька остался без лошади. Появление его на Злодее вызвало массу насмешек как по адресу лошади, так и ездока.

Все уже знали, откуда у Федьки синяк под глазом.

Федька отругивался, но голос его тонул в дружном хоре насмешек.

– А шагает конек здорово, – заметил один из обозных.

– Ножки деликатные, на нашем деле закачается, – сказал Чуркин и гордо посмотрел на толстые, как бревна, ноги Митьки.

– Архиерея на нем возить, отца митрополита не растрясет.

– Гляди, как чешет. стакан с водой ставь на спину – не расплескает, – издевались ломовики.

Федька видел и сам, что Злодей жидковат. На сердце скребли кошки.

Знал он твердо: пристанет или покажет норы Злодей – засмеют. И он с завистью смотрел на толстые, расколотые крупы Митьки и другого жеребца, ардена Грамотея.

В тот день возили дрова. Кривой с Злодеем занял место у штабелей.

Возчики, предвкушая близкий розыгрыш, не спускали с него глаз.

– Ты бы, Федька, больше десятка поленьев не клал. Не дотянет.

Непривычный он. Его преосвященство архиерей был старичок сухонький.

– Ты тонкие кладь. Между ними просветы больше, – советовали товарищи.

Федька вымещал злобу на поленьях, яростно швыряя их в сани.

– Расскажи, Федька, как ты обучил его головой заборы ломать.

Говорят, как бритвой режет.

– Федька, а правда, что вы задавили старуху и троих детей?

Кривой болел душой за каждое новое полено, но остановиться не мог.

Подхлестываемый насмешками, он зарвался и навалил огромный воз.

Ломовики были довольны. Представление обеспечено.

Первым тронулся Митька. Повернув широким крупом, он навалился огромным телом на хомут. Сани скрипнули и поползли следом. За ним, одна за другой, потянули лошади.

Первый раз Федька был доволен, что он едет последним. Он стоял у саней, держа вожжи. Мимо него с улыбками и шутками проезжали товарищи. Некоторые притворно сочувствовали:

– Несправедливо, такая лошадь в голове ходить должна...

Проехал последний. Ломовики обернулись и следили за новичком.

Федька медлил. Он ломал голову, придумывая способ, как незаметно скинуть немного дров.

Злодей, не дожидаясь посылы, сам шагнул за лошадьми. Легко ступая, он быстро догнал последнюю лошадь.

За пять лет жизни он первый раз тащил такой груз. До этого он знал только тяжесть обязательных на ипподроме шести пудов.

Трехлетняя тренировка накопила ему железную мускулатуру. Тяжелые, многопудовые сани он тащил весело и даже легко.

По сравнению с призовой борьбой эта работа не была для него тяжелой.

Злодей уверенно шагал по дороге. Он шел широким, размашистым шагом рысака, и поспеть за ним можно было только бегом. Федька забрался наверх высокого воза и орлом смотрел на товарищей. Но все разом перестали интересоваться и повернулись спинами.

Инстинкт рысака и привычка спортсмена не позволили Злодею тянуться сзади. Он сам взял вправо и зашагал рядом, обгоняя воз за возом.

Маневр Злодея заметили сразу.

От хвоста к голове сани за санями «нажимали». На лошадиных спинах заработали вожжи. Каждый боялся отстать от переднего и позволить Федьке и Злодею влезть в просвет.

Погоняли азартно и молча. Рыжебородый Чуркин стегнул Митьку.

Брабансон затрусил мелкой рысцей. Его примеру последовали другие лошади. Выгнув шею и играя мускулами, рядом с трусящим обозом спокойно шагал Злодей. Он размашисто и широко ставил ноги, не нуждаясь в ремне и понукании.

Федька сидел на высоком возу. Единственный глаз его сиял.

Возчики хлестали лошадей. Лошади тянули изо всех сил и быстро покрылись испариной. Совершенно сухой жеребец обходил воз за возом.

Федор, как генерал на параде, проехал вдоль всего строя.

Впереди остались только чалый Грамотей и бурый Митька. Эти двое вырвались на большой просвет вперед остального обоза.

Злодей мог спокойно занять третье место. Федька даже потянул за левую вожжу, но жеребец невольно тряхнул головой и пошел прямо.

Грамотей отстал. Второе место было свободно. Но теперь уже сам Федька, ни за что на свете не согласился бы занять его.

Двое саней поехали рядом. Митька и Злодей шли голова в голову.

Чуркин хлестал Митьку непрерывно. Федька демонстративно бросил вожжи и стал свертывать большую козью ножку.

– Закурим, – предложил он Чуркину.

Чуркин даже не взглянул на него.

– Дорожка до чего хороша, тянуть не надо, сани сами идут, – поддерживал разговор Федька.

Чуркин старался смотреть мимо него.

– Спички есть? Брось коробок, – не унимался Федька.

Чуркин стегнул Митьку и отвернулся. По бокам и на шее у Митьки выступило мыло.

Через минуту физиономия Федьки уже торчала перед носом Чуркина.

Злодей шагнул вперед, взял влево и занял дорогу.

Федька важно дымил козьей ножкой. Махорочный дым клубился над ним, как над паровозом.

Но важности и спокойствия хватило ненадолго. Восторг и радость сжимали грудь и требовали выхода. Не слезая с саней, он поднялся во весь рост, повернулся лицом к обозу и огласил окрестность победным ревом:

– Хо-хо-хо! Выкусили? Понюхайте у нас теперь. Счастливо оставаться.

В воздухе повисли потоки ругани, извергаемые тремя десятками квалифицированных глоток. Сани неожиданно скользнули по ухабу. Кривой оборвал фразу на самой высокой ноте, турманом разрезал воздух и, описав дугу, юркнул в сугроб.

Выскочив из сугроба, триумфатор подтянул штаны и молча забрался на дрова. Общая обида была отомщена.

– Цены нет жеребенку, – решили обозники.

Чуркин презрительно сплюнул.

Снег в конце марта становится мокрым и пристаёт к полозьям, дорога чернеет и безнадежно портится. Конец марта – тяжелое время для лошадей.

Злодей быстро втянулся в новую работу. Ездил на нем теперь не

Федька Кривой, а Федор Кривой.

В несколько дней Федька приобрел уважение и авторитет, которых не мог добиться всю свою жизнь. И Федька превратился в Федора.

В обозе он ездил третьим. На следующий день после дебюта Федьке «намекнули», что иметь один глаз все-таки лучше, чем ни одного, и с одним глазом не пристало за собой целый обоз водить. Федька удовлетворился третьим местом. С Злодеем сладить было труднее. Он пер вперед.

Федька любил Злодея. Но эта любовь слабо напоминала любовь к Браслету Рыбкина и Сеньки.

Рыбкин и Сенька – потомственные конники. Любовь к лошади у них жила в крови. Сенька и Рыбкин понимали лошадей нутром.

Федька лез из кожи, стараясь досыта накормить Злодея. Но тот же Федька мог спокойно наблюдать, как, выбиваясь из сил, старается Злодей перетянуть тяжелые сани через полено, случайно лежащее на дороге. Слезть с воза и отбросить его или помочь лошади он считал ниже своего достоинства.

По ночам стояли небольшие морозы. Днем припекало и таял снег.

Снег, смешанный с землей, налипал на полозья и тормозил сани. К вечеру лошади выбивались из сил.

Второй день возили грузы по льду через Неву. Одиннадцать лучших лошадей отправили на эту работу. Делали последнюю поездку. Потные, усталые лошади едва дотянули тяжело груженные сани. Подъехали к другому берегу. Здесь начинался самый трудный кусок пути: подъем в гору. Чуркин сильно дернул вожжи и погнал Митьку. Всей тяжестью огромного тела Митька навалился на хомут. Заскрипели и натянулись, как струны, гужи. Чуркин, не выпуская вожжей, подпер сзади сани плечом. Сани оторвались и медленно поползли вверх. На полпути Митька остановился, хватил воздух и сам, не дожидаясь посылы, вытащил тяжелые сани на берег.

Вторым сразу очень горячо взял Грамотей. Он часто перебирал ногами и маленькими шажками, ни разу не остановившись, вытянул сани наверх. Но на берегу он встал, вконец измученный, с осоловелым, помутневшим взглядом. Широко расставив мелко дрожащие ноги, он громко, с хрипом дышал.

Федор Кривой знал, что если Злодей пристанет, то с третьего места его сгонят. Волнуясь, он дернул вожжи и закричал пронзительным фальцетом: – Ну, ну, милый! Пошел!

Злодей плавно взял на себя сани и, потряхивая головой, потянул вверх. Он ни разу не остановился и спокойно, как пустые, вывез их на берег.

Рослая караковая кобыла выбилась из сил и на половине подъема остановилась. Напрасно возчики наваливались плечами на сани и подталкивали их. Лошадь едва держалась на ногах. Сани медленно ползли вниз и тянули ее за собой.

Кривой молодцевато подтянул на животе красный пояс, лихо поправил шапку и быстро распряг Злодея. Каждое движение его до конца было

насыщено чувством собственного достоинства и удали.

– Распрягайте овра. Не до ночи же здесь канителиться, – приказал он. Злодей вытянул вторые сани так же легко, как первые. Только под кожей сильнее перекатывались желваками мускулы да вокруг хомута и шеи выступило мыло. Когда безнадежно пристали и следующие сани, Чуркин торопливо запряг в них Митьку. Тяжелый брабансон, громко хрипя, вытянул сани наверх, но у него, так же как и у Грамотея, задрожали ноги и побелели глаза.

Злодей вытащил подряд еще двое саней.

И пока отдыхали на берегу лошади, рыжебородый Чуркин не спускал с Злодея глаз. Жеребец сильно устал. Он был весь в мыле и тяжело дышал. Чуркин заинтересовался его ногами. Ноги у Злодея не дрожали. Растерянно переводил Чуркин взгляд с тонких, сухих ног Злодея на толстые и дрожащие ноги Митьки, потом наклонился и ощупал Злодея. Мускулы от плеча до копыт были тверды как камень и почти не поддавались под нажимом сильных пальцев. Чуркин провел рукой по спине лошади, пальцы нащупали выпуклую и необыкновенно твердую почку.

Около Злодея столпились возчики. Они следили за пальцами Чуркина и молча покачивали головами.

Чуркин взглянул на голову Злодея.

Красивая породистая голова гордо держалась на взмыленной шее.

Большие, темные глаза смотрели на Чуркина умно и весело.

– Ишь, глядит – ровно насмехается, – сказал Чуркин. И, отвернувшись, добавил: – Не видишь, что ли, наши пристали. Поезжай головным, Федор.

* * *

Середина октября.

Колеса наполовину тонут в грязи. Грязь заглушает шаги людей, лязг подков и стук колес. Слышится однообразное непрерывное шлепанье.

Пять часов утра. Темно.

Неровными рядами молча идут люди. Куртки, бушлаты, шинели, полушубки, перехваченные новыми ремнями, с желтыми подсумками по бокам. За плечами у каждого винтовка. Люди промокли насквозь и давно уже перестали обходить лужи. Рядом с людьми по жидкой грязи тащат лошади тяжело груженные повозки и зарядные ящики.

Проходит час, другой, третий, и ни на минуту не перестает мелкий, косо́й дождь.

И люди идут, как дождь. Упорные, озябшие, они идут, не переставая.

Их десятки, сотни и тысячи оставил позади себя Злодей, и все же, сколько видит глаз, впереди идут всё новые и новые отряды.

– Эх, в Питере теперь хорошо бы чайком обогреться, да соснуть потом так, чтобы не будили, – мечтательно прошептал Кривой, который вместе с Палкиным возглавлял на Злодее небольшой обоз.

– Ты бы помолчал немного, – не выдержал Палкин. – Сыро, горло простудишь.

Кривой обиделся, замолк и стегнул Злодея вожжой.

За полтора года в обозе Злодей огрубел и стал шире и медлительнее. Фаворит ипподрома Браслет II превратился в хорошую обозную лошадь.

Он знал теперь свое обозное ремесло так же хорошо, как когда-то сложное искусство ипподрома.

Давно признали уже, что другой равной ему лошади в обозе нет. Выносливость, сила и кроткий нрав сделали Злодея любимцем всего обоза.

Недолюбливал его только Чуркин, да рьяно ненавидел Митька.

Злодей платил Митьке тем же.

Они не пропускали ни одного удобного для драки случая, мгновенно пускали в дело зубы и копыта. Из тихих и послушных животных жеребцы превращались в диких зверей.

Время не уменьшало, а только увеличивало ненависть.

Их давно уже пришлось развести в разные концы конюшни.

Теперь и Злодей, и Митька тянули тяжелые повозки, груженные снарядами.

Огромный, похожий на слона, Митька передвигался маленькими шажками, понуро опустив голову и шлепая по жидкой грязи широкими, как тарелки, копытами. Хмурый и молчаливый Чуркин неподвижно застыл на телеге, уставившись глазами в заострившийся круп своего любимца.

Злодей шел широким, ровным шагом, высоко подняв голову, но помутневшие, словно сузившиеся глаза и одеревенелые, негнущиеся ноги говорили о тяжелом труде и усталости.

Вот уже больше двух недель, как обоз работал на оборону Петрограда.

Лошади и люди не знали отдыха ни днем ни ночью.

Много лошадей выбыло за это время из строя, не выдержав непосильной работы, и оставшимся с каждым днем приходилось трудней.

Совсем рассвело, когда обоз свернул с Московского шоссе и с трудом стал подниматься по разбитой проселочной дороге.

Вдруг неожиданно, где-то совсем близко, ухнуло орудие.

Лошади замялись, топчась на месте, и испуганно озирались по сторонам.

Тяжелый снаряд, обессилев от долгого полета глубоко зарылся в болото. Земля под ногами колыхнулась и подпрыгнула. Туча песка и грязи облепила обоз.

Большой костлявый мерин рухнул на землю и сразу же, как от ожога, вздрогнул и потянулся кверху. Корпус тяжелой и неподвижной массой лежал на земле, и только голова с невероятным напряжением поднималась вверх. С каждым мгновением лошадь все больше делалась похожей на жирафа.

Но вместо звериного крика боли, который, казалось, вот-вот вырвется из горла лошади, через рот и нос ее фонтаном брызнула кровь.

И голова с огромными, вытаращенными глазами все продолжала молча тянуться кверху, и кровь густой струей, пенясь и булькая, с шумом

падала на землю.

Но вот замутились и подернулись пленкой глаза, и, как подрубленная, стукнулась о землю, расплескав кровавую лужу, уже мертвая голова. Какая-то серая лошадь, сорвавшись с привязи, неслась далеко по полю вместе с повозкой.

Бурый Митька от испуга тоненько, по-щенячьи взвизгнул и сел на задние ноги, словно огромная собака.

Злодей рванулся назад так, что хомут соскочил на уши и лопнула шлея.

Обоз, собранный из городских лошадей, дрожал как в лихорадке.

Лошади, еще недавно мирно грохотавшие многопудовыми ломовыми телегами по городским булыжникам, храпели и метались в оглоблях, раздували ноздри и скалили зубы, стараясь вырваться и умчаться подальше от этого страшного грохота.

Вздрагивая и приседая при каждом новом разрыве, приплясывал на месте Злодей, но его сдержать было легче, сказывалась ипподромная привычка к дисциплине.

Обоз двинулся дальше. Теперь дорога пошла лесом.

Федька съезжился на сиденье, боязливо провожая единственным глазом каждый пролетающий снаряд.

– Ну что, Федор? Что замолк? – желая ободрить его, спросил Палкин.

– В Питере теперь хорошо. Чайку бы горяченького. Боязно тут, с непривычки, – не сразу, вздрагивающим голосом ответил Федька.

– Эх ты! А как же на фронте, там? – упрекнул Палкин.

– А это разве не фронт? – испугался Кривой.

– Это тыл, – объяснил Палкин.

Не выезжая из леса, обоз остановился недалеко от опушки, дожидаясь затишья. Лошадям подбросили корма, не выпрягая. Но страх оказался сильнее голода. Сено лежало нетронутым.

Едва возчики успели отойти от коней, как Палкина разыскал верховой и передал какую-то бумажку. Палкин посмотрел на усталых и замороженных лошадей и торопливо забравшихся под телеги возчиков и нерешительно поскреб щеку. На ближайшую батарею нужно было срочно подвезти снаряды.

Возчики, покрывшись с головами брезентом, сидели под телегами не шевелясь и как будто не слышали слов Палкина, передававшего полученное донесение.

Не дождавшись ответа, Палкин решил, что поедет сам. Но в это время из-под телеги высунулась голова Чуркина.

– Без тебя управимся, – сказал он, еще стоя на четвереньках. – Я отвезу на Митьке. Митька дотянет.

И неторопливо шагнул к жеребцу.

Чуркин не успел сделать и двух шагов, как наперерез ему из-под телеги шмыгнул Кривой.

– Курьера нашел. Его же семь раз убьют, пока он на своем бегемоте доплетется! – закричал он. – Я свезу на Злодее.

– Ты чего расхвастался? – обозлился Чуркин. – Забыл, верно, как на Милке в хвосте ездил?

– На Милке я бы с тобой тягаться не полез, а теперь я на Злодее езжу головным, и тебе на Митьке со мной не тягаться.

Возчики, выбравшись из-под телег, кольцом обступили спорщиков. Палкин сделал выбор.

– Злодей надежнее, – сказал он.

Полумертвый от усталости Злодей налег на хомут и с места затрусил мелкой, скупой рысцой.

Чуркин стоял у своей телеги, провожая его насупившимся взглядом.

– Стой! – вдруг заорал он.

Федька, не оглядываясь, стегнул Злодея.

– Стой, говорю, кривой черт! – еще громче закричал Чуркин и, прыгая через лужи, догнал Кривого.

Федька остановил Злодея и, зажав в руке толстый кнут, повернулся к Чуркину:

– Ну, что лезешь?

– Подпругу подтяни, спину натрет. Лошадь испортишь, – еле переводя дух, выговорил Чуркин. – Ладно, сиди, я сам подтяну, – остановил он Кривого.

До батареи оставалось версты две открытого пространства. Дорога Злодею была хорошо знакома. Он успел перетаскать по ней не одну сотню пудов клади.

Колеса по ступицу уходили в липкую грязь. Но Злодей, не нуждаясь в понукании, тянул из последних сил.

– Ну, ну, браток, не выдай. Скоро отдохнем, – подбадривал его Кривой.

Вдруг Злодей, оглушенный и осыпанный землей, споткнулся и зарылся головой в грязь. С трудом удержался он на коленях и не свалился на бок. Никто его не понукал и не помогал встать. Удила безжизненно лежали во рту. Злодей с трудом поднялся сам и оглянулся назад.

Сиденье пустовало, но на земле у самых своих ног он увидел Федора.

Он лежал, раскинув руки, лицом в луже, и не двигался.

Злодей обрадовался передышке и спокойно стоял, наслаждаясь отдыхом.

Федька продолжал лежать лицом в луже, которая за это время из серой стала красной. Красный цвет притягивал Злодея, он не мог оторвать от лужи глаз. Осторожно попятился он назад и, наклонив голову, обнюхал Федьку. Неожиданно в нос ударил терпкий и противный запах. За последние дни этот запах встречался Злодею не раз. Красная лужа наполнила его отвращением и страхом. Он захрипел и бросился в сторону, дрожа каждой своей шерстинкой.

Кося глазом и хрипя, словно боясь, что Кривой, как волк, вскочит и вопьется ему в горло, Злодей далеко обошел Федьку и понесся по дороге, вздрагивая и поминутно оглядываясь назад.

Снаряды подоспели как раз вовремя.

* * *

Измученного и отощавшего Злодея Палкин разыскал только через два дня и повел его в обоз. Жеребец плелся за Палкиным, спотыкаясь на каждом шагу, как слепой. В обозе ему дали овса. Он ткнулся в овес губами, набрал полный рот, но разжевать крепкие зерна не мог.

– Ничего, пройдет, – решили обозники.

В тот же день обоз возвращался в Петроград. На рассвете тронулись в путь. Злодей, опустив голову, шел в хвосте, привязанный к последней повозке.

Проехали верст десять.

– Остановись! – закричали сзади.

Обоз остановился. На мерзлой земле, вытянув ноги, лежал Злодей.

Возчики, столпившись вокруг, стояли молча, не решаясь сказать последнее слово.

Злодей, гордость и украшение обоза, лежал, вытянув ноги и откинув голову, и даже не пытался подняться. Глаза у него были закрыты, и только чуть-чуть шевелились губы, пропуская тихое и ровное дыхание.

– Может, поднимется еще? – сказал один. – Ну, вставай! – дернул он его за уздечку.

Злодей открыл глаза и равнодушно, словно недоумевая, зачем к нему пристают, глянул на людей и снова закрыл их.

– Ненадолго пережил Федьку, – сказал кто-то.

– Как же с ним быть? – спросил Палкин. – Пристрелить или пускай уж сам...

– Если б знать, что скоро. Лучше бы оставить, – посоветовали обозники.

Загромыхали колеса. К толпе подъехал на Митьке Чуркин.

– А ну, посторонись, – сказал он.

– Ты что? – удивился Палкин.

– А ты что? – спросил Чуркин.

Митька наклонил голову и обнюхал врага без всякой злобы.

– Клади на воз, – приказал Чуркин.

Возчики, словно обрадовавшись, что развязка откладывается, быстро положили Злодея на телегу.

– Ни к чему это, – сказал Палкин. – Покойник он.

– Молод ты, горяч больно. Такими бросаться – скоро пробросаешься.

Я, может, сорок лет с конями прожил, а такого впервые встретил. Попытка, говорят, не пытка, – заключил Чуркин.

Обоз двинулся дальше. Впереди, старательно объезжая выбоины, ехал на Митьке Чуркин. Злодей неподвижным бурым холмом лежал на телеге.

Два десятка исхудалых лошадей плелись следом.

* * *

Злодей выжил. Он болел всю зиму, но к весне уже твердо стоял на ногах. В мае его первый раз запрягли в легкую коляску. Он пошел хорошей, размашистой рысью, но прежнего сердца в нем уже не было. В обозе

решили, что он еще не вошел в полную силу после болезни. Но проходили недели, месяцы, а Злодей не менялся.

Теперь это была обыкновенная хорошая лошадь, каких много. В этой умной могучей машине подменили самую существенную часть ее – горячее сердце наследственного рекордиста и чемпиона.

Шло время. Менялись люди. Давно уехал горячий защитник Злодея – Палкин. Новые люди, не знавшие прежнего Злодея, не понимали, почему с ним надо нянчиться. Очевидцев былых подвигов Злодея в обозе почти не осталось, и рассказы о них считали «охотничьими». В обозе по-прежнему работал Чуркин на своем Митьке. Но Чуркин от рождения красноречием не отличался и защитить Злодея не мог. Умри Злодей тогда, на Московском шоссе, он надолго бы остался легендарной лошадей. У конных людей крепка память на выдающуюся лошадь. До сих пор живы неписанные рассказы о силе, резвости и характере лошадей, современников наших прадедов. Нередко можно услышать горячий спор о форме отметин на лошади, павшей лет пятьдесят назад и никем из участников спора не виданной.

Злодей пережил свою славу и продолжал существовать. Его приспособили к пролетке. Как экипажная городская лошадь он был еще хорош. Бегал он без огонька, но на хорошем ходу и отличался послушным характером.

В Злодее исчезла инициатива. Прежде – и на ипподроме, и в обозе – он умел сочетать волю ездока со своей, и тогда он был талантлив. Теперь он только знал свое ремесло.

Злодей мог пройти несколько верст резкой рысью, но глаза оставались спокойными, без тени возбуждения. И он сразу легко и послушно останавливался по первому требованию.

Он не оглядывался по сторонам и не косил, как прежде, глазами на каждую проходившую лошадь.

Каждый день мог меняться конюх, и он одинаково охотно и равнодушно мог подставлять бока под любую щетку.

Как-то Чуркин увидел во дворе, как встретились два врага. Злодей стоял, привязанный у конюшни. Мимо проходил Митька. Увидев Злодея, он прижал уши и насторожился, но бывший соперник посмотрел на него таким равнодушным и отсутствующим взглядом, что Митька отвернулся и спокойно пошел своей дорогой.

– Покойник, как есть покойник, – прошептал Чуркин.

У Злодея появилась еще одна особенность. Со времени болезни никто не слышал, чтобы он ржал. С детства он был голосистой лошадей и ржал охотно и часто по любому поводу. Рыбкин даже прозвал его отцом дьяконом. Теперь он равнодушно съедал поставленный корм, словно выполняя одну из неизбежных, скучных обязанностей.

Чуркин уверял, что Злодей больше не жилец на этом свете.

В конце лета сменили заведующего конюшней. Перед работой он обходил денники. Увидев, как новый заведующий осматривает и

ощупывает лошадей, в конюшне решили, что он хотя и молод, но в лошадях разбирается.

Митьке новое начальство чем-то не понравилось. Он прижал уши и повернулся задом к двери, собираясь попотчевать его копытами.

Заведующий остановился в дверях и стал насвистывать двухнотную мелодию. Митька повернул горбоносую, мясистую голову на толстой шее и через плечо оглянулся на гостя. Такой подход ему был по душе. Большой и неуклюжий, как бегемот, жеребец повернулся и стал осторожно подходить к свистуну. Не переставая свистеть, заведующий вынул из кармана кусок сухаря и протянул ему.

Звонкое ржание и удары копыт по перегородке раздались в другом конце конюшни. Митька и заведующий прислушались. Где-то ржала и колотила копытами лошадь. Вдруг Митька тонко и угрожающе взвизгнул и метнулся по деннику, забыв о сухаре. Новый заведующий в сопровождении конюхов и возчиков побежал на другой конец конюшни. Раздув хвост, по деннику носился чем-то сильно встревоженный и возбужденный Злодей.

– Что это за лошадь? – спросил заведующий.

– Это Злодей, – ответило несколько голосов разом.

Заведующий уже открывал дверь денника, и Чуркин заметил, что при этом у него сильно дрожали руки.

«Дрейфит», – решил Чуркин и, взяв нового начальника за рукав, посоветовал:

– Повременили бы входить, не в себе он. Трахнуть может.

Заведующий отмахнулся, вошел в денник и засвистел.

Злодей подбежал к нему и ткнулся мордой в плечо.

– Откуда он у вас? – спросил заведующий.

– А кто его знает? Взяли с бегов. Палкин его привел, не то в семнадцатом, не то в восемнадцатом году еще.

– А где этот Палкин?

– Куда-то послали – не то в Сибирь, не то на Кавказ, – сказали обозники.

Злодей тыкался мордой в плечо гостю. Заведующий что-то вспомнил и пощупал загривок. С двух сторон у загривка разместились два шрама.

Чуркин подошел к нему и спросил:

– Как звать тебя, товарищ?

– Мочалкин Семен Григорьевич.

– Я, Семен Григорьевич, так понимаю – одно из двух: или ты слово особое лошадиное знаешь, или эта лошадка тебе хорошо знакома.

– Возьмем, дядя, последнее, – сказал Сенька. – Только тогда ее по-другому звали.

– Все может быть, – согласился Чуркин.

Сенька пробыл в деннике, пока Злодея не пришли запрягать.

С появлением Сеньки в конюшне жизнь Злодея резко изменилась. Он получил длительный отдых. Только месяца через полтора его начали запрягать в легкий двухколесный шарабанчик и проминать по улице по

получасу в день.

Злодей стал оживать.

Сенька установил ему рабочий режим по ипподромному образцу. В конюшне над заведующим посмеивались, решив, что по молодости он чудит.

Так прошла зима. Ранней весной Сенька в двухколесном шарабанчике свернул с Звенигородской в широкий тупик Николаевской улицы. Тупик был тих. На оттаявшей мостовой мальчишки играли в лапту. У подъезда двухэтажного дома с зеленой остроконечной крышей и лошадиным барельефом на карнизе стояла одинокая извозчичья пролетка. Слева в открытые деревянные ворота с резными лошадиными головами наверху виднелся широкий двор. Во дворе по кругу водили лошадей. Как только свернули в тупик, Злодей заволновался. Он ржал, рыл копытами землю и прошел в ворота, танцуя, как на цирковой арене.

К Сеньке подошел высокий бритый человек. Он прищурил глаза и стал внимательно рассматривать Злодея.

– Вы это о нем говорили?

Сенька кивнул головой. Рука его, держащая недоуздок, сильно и непрерывно вздрагивала.

– Очень, очень трудно представить, что эта лошадь Браслет Второй. Я бы даже думал, что этому почти невозможно верить.

– Но я знаю наверное. Он родился при мне. Вырос на моих глазах, – горячился Сенька. – И узнал меня сразу.

– Да, да, я не спорю. Но только я должен еще заметить, что он в таком случае очень сильно изменился.

– Я же вам рассказывал...

– Как же, как же, помню. Действительно, интересная история, – перебил высокий. – Иван Николаевич, можно вас попросить на минуточку к нам? – позвал он проходившего мимо пожилого плотного человека.

Это был один из старых известных наездников. Он в свое время хорошо знал Браслета II.

– Присмотритесь, – вам не знакома эта лошадь? Вот молодой человек утверждает, что она до революции бегала на ипподроме.

Наездник долго всматривался в лошадь и медлил с ответом. Сенька ждал, затаив дыхание.

– Не могу припомнить, – произнес наконец свой приговор наездник. – Издали, точно, она показалась мне очень знакомой. Я, признаться, даже нарочно прошел мимо, но, кажется, ошибся.

– А я подумал, вдруг это Браслет Второй, – сказал нерешительно высокий.

Наездник решил, что начальство шутит, и поддержал шутку:

– Да, да, общего много – масть.

– Вот вы мне не верите, а я вам чем хотите клянусь, что это Браслет Второй, – взмолился Сенька.

– Да я и не спорю, – успокаивал высокий, – но допустите на минутку,

что мы с вами сейчас объявим, что эта лошадь Браслет Второй. Даже допустите на минутку, что вам удастся убедить в этом администрацию ипподрома. Но ведь нельзя забывать, что Браслет Второй имел один из самых высоких рекордов. А кто знает, как теперь побежит эта лошадь? А если не побежит? Ну, а кто же решится послать сомнительную лошадь на завод производителем? Неужели вы не согласны со мной?

Сенька понимал, что собеседник прав.

– Надо доказать на кругу, что это Браслет Второй. Без этого никто не поверит. Запишите на приз. Через неделю попробуем с тихими.

* * *

Через неделю Сенька стоял на проводном дворе и глядел, как после проминки водят по двору Злодея. На проминке Злодей прошел отлично, и Сенька торжествовал. Но теперь, когда до заезда оставалось меньше получаса, Сенька вдруг струсил. Он ведь ехал на свой первый приз. Этот момент Сенька, мечтая, переживал тысячу раз.

Всегда трудно складывается езда, но он обязательно побивает противника и первым проходит призовой столб. Лошади у него самых разнообразных мастей и характеров, но неизменно высокого класса и обладают уймой скрытых достоинств. Опытные наездники, не найдя к ним подхода, считают их безнадежными. И вот кто-то назло подсунул их Сеньке для дебюта. И Сенька блестяще выявляет их скрытые достоинства и замечательным финишем вырывает победу у сильнейших противников. Это были мечты, но даже в самых смелых юношеских мечтах Сенька не доходил до Браслета II, непобедимого Браслета II.

Сенька волновался и трусил. От приза зависела судьба Злодея. Если они проиграют приз, Злодею конец. Придется опять запрячь его в пролетку, и постепенно Злодей превратится в извозчичью клячу.

В Злодея Сенька верил твердо, тем более что ему, как неизвестной лошади, для первой езды дали противников невысокого класса. Сенька волновался за себя. Страшила ответственность. Он готов был бежать к любому профессиональному наезднику и умолять его проехать на Злодее. После Сенька никак не мог вспомнить свой путь со двора до старта. Запомнилось только, как похолодело в груди, когда он проезжал мимо гудящей трибуны.

* * *

Каждый беговой день, задолго до начала бегов, в самом углу трибуны, у барьера, усаживался маленький старичок. Рыбкин за эти годы мало изменился. Только усы из гнедо-чалых превратились в буланные, да на лице появились синие очки.

Рыбкин ослеп. И когда снова возобновили бега, он уже не мог возвратиться в конюшни. Ежедневно к началу тренировки он приходил на ипподром, забирался в угол на пустой трибуне и слушал, как проезжали лошадей. Усевшись на место, он замирал до конца работы, и только усы равномерно и бесшумно скользили от носа к подбородку. Но стоило старику услышать, что лошадь висит на сбою или сбилась, как мгновенно

сбивались с четкого, правильного ритма и усы. Кончался сбой – и усы тоже становились на правильный ход.

На территорию конюшни старик заходить не хотел. Близость лошадей, которых он не мог больше видеть, его расстраивала. Поэтому в конюшнях, где Сенька расспрашивал о Рыбкине, знали только, что старик живет на пенсии и, кажется, ослеп, а может быть, уже и умер.

Сегодня усы вели себя очень странно. В антракте между заездами, когда проминали на дорожке очередных лошадей, они вдруг резко и неожиданно прыгнули вверх и напряженно застыли, прижавшись к самому носу.

По главной дорожке бежала лошадь. У лошади был удивительно четкий и ровный ход. Копыта ее легко падали на дорожку, но Рыбкин слышал, что лошадь крупная. Эту лошадь он слышал здесь впервые. Но ход ее был ему хорошо знаком. «Где и когда слышал я этот замечательный ход?» – мучился старик.

Рысак промчался мимо.

«Идет очень резво, но с большим запасом, не старается», – решает Рыбкин.

Он поворачивается к соседу и просит назвать ему лошадь, но лошадь уже далеко, и старик не может указать, который из рысаков его заинтересовал. Усы хмурятся и ждут заезда.

Сенька словно сквозь сон помнит, как он подал на старт Браслета.

Сердито кричал на кого-то стартер. Кнутом стегнул крик: «Пошел!» Злодей вынес вперед и очутился на ленточке. Ветер и песок ударили в лицо.

Сенька похолодел от мысли: «Ослышался. Не было пуска», – и даже оглянулся. Четыре лошади шли далеко позади. Впереди возбужденно громко гудела трибуна.

Усы Рыбкина, хищно притаившись у носа, готовятся к прыжку.

Удивительно четко перебирая ногами, мимо несется рысак. Но вот усы дрогнули и мелко задрожали. Кончился четкий, размеренный ритм.

Расслабленно шлепают о песок копыта. Рысак идет небрежно и лениво.

Следом быстро приближаются четыре отставшие лошади. Рыбкин знает каждую из них, но ему жаль незнакомого рысака. Старик вспоминает проминку и догадывается:

«Один не любит ходить, привык к поддужному».

Без конца тянется минута. И разом нарастает топот нескольких лошадей. Впереди знакомый размеренный ход незнакомой лошади. Над головой бухает колокол.

– Выиграл. Большущего класса лошадь, – шепчет старик.

Аплодирует трибуна. Мимо трибуны съезжает с круга бледный Сенька.

Злодей, спокойный и неутомимый, довольно фыркает и трясет головой.

– Как зовут лошадь? – волнуясь, спрашивает Рыбкин у соседа.

– Злодей, – сердито бросает тот.

– Злодей... – ищет в памяти Рыбкин.

«Злодейка была на заводе Лысухина. От Злодейки жеребенок, – наконец сообщает он. – Вот почему знакомый ход. Так ходил Браслет Второй».

Руки вцепились в барьер и дрожат, Рыбкин не любит вспоминать о Браслете.

– А отец кто? – пристаёт он к соседу.

– Происхождение неизвестно, – кричит над его ухом, как глухому, сосед и ворчит себе под нос: – Еще пристаёт ко мне этот старый морж с этой проклятой лошадыю. Не будь ее, я бы выиграл.

Старик сбит с толку.

«Злодейка, верно, давно уже пала. Стара она была. И у Браслета Второго был ход отцовский», – вспоминает он.

Рыбкин расстроен. Первый раз за все время он уходит с ипподрома до конца бегов.

В середине заезда он поднимается и, натываясь на людей и скамьи, бредет к выходу.

* * *

Сенька опомнился только на проводном дворе. Он чувствовал себя как после зубной операции, когда уже кончаются все мучения и боли. Злодей, пройдя три четверти очень резво, далеко впереди других, вдруг у самой трибуны замялся. Кто-то свистнул. Сенька первый раз в жизни почувствовал, что может грохнуть в обморок.

Всю ночь Сенька не мог заснуть. Измученный, он начал дремать только перед рассветом. В полусне проплыла перед глазами трибуна, набитая людьми. Множество лиц сливалось в одно: злое, требовательное, шумящее и возмущающееся. Но вот это лицо покрылось морщинами и подобрело. И на нем повисли знакомые моржовые усы.

В ту же секунду Сенька сидел уже на постели. Он знал только две пары таких усов: одни, генеральские, давно гниют в земле; оставался только Рыбкин.

Значит, есть еще один свидетель, хорошо знающий Браслета II. Больше в эту ночь Сенька уснуть уже не пытался.

* * *

Рыбкин торопился домой. Чаше, чем обыкновенно, он натывался на людей и один раз чуть не сломал себе ногу, ступив в яму.

Даже в первые дни слепоты он не был так беспомощен. Он изучил каждый вершок дороги от ипподрома до квартиры. Развившийся слух и палка помогали ему избегать ям и столкновений.

Но сегодня у него дрожат руки и палка бестолково тычется в разные стороны. Обыкновенно он различал все оттенки городского шума, но сегодня он слышит только ровный, точный, как часы, топот несущейся лошади. Он даже отчетливо видит эту лошадь. Вот она косит на него большими темными, навывкате, глазами и шарит мягкими губами по рукаву и карманам. У нее пушистая грива и хвост. Темно-гнедая шерсть словно

дорогой старинный бархат. По гнедой шерсти густо разбросаны темные яблоки.

Старик видит сегодня больше, чем встречные люди, считающие его слепым. Он видит одновременно и рослого, еще не сформировавшегося трехлетка, с трудом выигравшего свой первый вступительный приз, и грозного, взбесившегося жеребца с налитыми кровью глазами, с оскаленными зубами, мечущегося по деннику, и гнедого красавца, бешеным финишем вырывающего победу у сильнейших соперников, и, наконец, молодого человека в заячьей шапке, уводящего на поводу обросшего длинной шерстью, похудевшего жеребца. Старик громко стонет и останавливается. Какой-то прохожий подходит к нему и предлагает довести до дому. Старик бормочет свой адрес. Незнакомец поворачивает его назад. В первый раз Рыбкин сбился с пути и прошел свой дом.

Только на другой день соседи заметили, что Рыбкин, не выходит из комнаты. Его нашли в постели, в бреду. Всегда кроткий и тихий, он теперь был грозен и командовал. Уставившись на вошедших мутными, слепыми глазами, он выкрикивал непонятные слова, звучащие как заклинания.

– Оберчек. Нагавки. Флюид. Пэйс. Фальстарт. Вираж.

Женское население в большой коммунальной квартире сбилось в кучу у дверей и со страхом внимало грозным окрикам. Наконец удалось уловить четыре простых, понятных слова:

– Завтра еду на Браслете, – внятно и отдельно сказал старик.

Собравшиеся перемигнулись и решили: завтра старик отправляется на тот свет.

Сенька долго разыскивал Рыбкина. Каждый беговой день он караулил его на трибуне, но старик не появлялся. Адреса его никто не знал. В дни бегов его место у барьера оставалось незанятым. Только через месяц его облюбовал гражданин в бархатной рыжей шляпе. И Сенька на время отложил поиски.

* * *

Прошло несколько месяцев. Злодей из неизвестной лошади превратился в фаворита, и у Сеньки уже не кружилась голова при въезде на старт. За все время Сенька и Злодей не проиграли ни одного бега. Злодей бежал теперь с лучшими лошадьми ипподрома, но до рекорда Браслета II ему было еще далеко. За это время отчетливо выяснилась характерная особенность Злодея: один, без соперников, он не шел. Всегда, независимо от класса противника, он выигрывал, вырываясь у столба не больше чем на корпус вперед.

Теперь и высокий гражданин, и еще кое-кто из работников ипподрома были убеждены, что Злодей и Браслет – одна и та же лошадь, но до поры до времени официальное признание откладывалось.

В конце лета привезли из Москвы на гастроли двух лошадей очень высокого класса. На петроградском ипподроме им не было соперников. Ждали еще одного гастролера-рекордиста.

По городу расклеили полотнища афиш с бешено несущимися

лошадьми.

Третий гастролер не приехал. Поговаривали даже об отмене выступлений, но за три дня до бегов выяснилось, что третьим пойдет Злодей.

В день состязания трибуна наполнилась еще до первого заезда, хотя встреча Злодея с гастролерами была назначена в одном из последних. Завсегдатаи-спортсмены разбились на группы и, грудью наседая друг на друга, взвешивали шансы предстоящей борьбы.

Никто не заметил, как на трибуну, постукивая палочкой, вышел маленький, еще более сморщенный Рыбкин.

Он прошел в свой угол и уверенно опустился на колени гражданина в рыжей бархатной шляпе. Его место было занято. Бархатная шляпа обжилаась здесь, пустила корни и уходить не собиралась. Старик долго и беспомощно путался по большой переполненной трибуне. Контролерша, узнав его, усадила в самом центре трибуны, около дверки в барьере, через которую спускаются судьи вручать приз победителю.

Зазвонил колокол. Из ворот вышла на круг изящная, словно игрушечная, рыжая кобыла.

Плотный, седоватый наездник в голубом камзоле и белом картузе сидел в качалке. С трибун хлопали. Наездник величественно, как оперный баритон, кивнул головой.

Кобыла, словно сама сознавая свою красоту, выставляла себя напоказ.

Она гордо, как чашу, несла перед собой маленькую, исключительной выразительности и породы голову. Высоко поднимая тонкие, точеные ноги, она, как балерина, грациозно и плавно опускала их на дорожку, ступая на самый кончик копыт.

Следом появился второй гастролер. Темно-серый плотный жеребец в яблоках, не очень большого роста, на хороших ногах, он бросался в глаза замечательным порядком. Весь крепкий, слаженный, в очень тренированном теле, он блестел каждым своим волосом.

Маленький, черноусый наездник, похожий на индуса, в желтом камзоле и желтом картузе, часто закивал головой, отвечая на хлопки.

Третьей лошади не аплодировали.

– Тяжеловоз. С ними не тягаться. Классом не вышел, – говорили знатоки про Злодея.

Ударил колокол.

Гастролеры приняли с полного хода. На минуту замявшийся Злодей отстал. Сенька растерялся и резко послал его вперед. Злодей не выдержал такого посылы, сбился и заскакал, но Сенька взял его на вожжи, и он быстро перешел на рысь.

Сенька наклонился вперед.

Руки у Сеньки спокойны, только носок сапога нервно стучит и давит стремя.

Передние идут рядом. Серый занял ленточку. Выходит на первую прямую. Могучим рывком вылетает Злодей из-за поворота. В конце первой

прямой он уже идет в спину наезднику в желтом камзоле. Маленький, похожий на индуса наездник все время чувствует на затылке горячее дыхание Злодея. Наездник злится и нервничает. Серый не хочет отдать ленточки и тоже нажимает сильнее. Лошади идут на предельной резвости. Но тяжеловоз не отстает ни на шаг; по-прежнему щекочет затылок и ухо наезднику его горячее и ровное дыхание.

Наездник по дыханию определяет, что у гнедого еще большой запас. Он берет кобылу на вожжи: на секунду резко замедляет ход и так же неожиданно выпускает ее вперед. Но Сенька вовремя замечает маневр и чуть-чуть отводит Злодея в сторону. Секунда потеряна даром. Злодей не сбился. Он опять идет в спину, забрасывает пеной обоих наездников-гастролеров.

Сквозь топот копыт и храп лошадей доносится до наездников гул толпы. Сенька чуть-чуть тянет правую вожжу, и Злодей, забирая вправо, вылетает вперед. Сильнее сопротивление воздуха. Ниже, к самому хвосту лошади, наклоняется Сенька. Несколько секунд три лошади идут рядом, ухо в ухо. Последний поворот, последние четыреста метров. Рыжая кобыла на глазах у публики превратилась в гнедую. На сером жеребце большими белыми комьями повисло мыло. Свистнул, разрезая воздух, хлыст. Кобыла рванулась вперед, но больше нет запаса, и она скачет. На прямой рядом два жеребца. У серого раскидистый, частый мах. Дыхание тяжелое, с хрипом. Злодей чувствует серьезного соперника. Большие черные глаза его от напряжения и ярости стали еще больше и наливаются кровью.

Сто метров до столба.

Публика ринулась к барьеру. Сзади насаждает оправившаяся от сбоя рыжая кобыла. Сенька отдает вожжи. Последний послыл.

Трибуна замерла. Распластавшись над землей, гнедой жеребец летит вперед. Кажется, что все четыре ноги его не касаются земли и все четыре подковы одновременно мелькают в воздухе. Вытянув голову и раскинув широкой трубой хвост, жеребец плывет над поверхностью. Он похож на гигантских размеров белку. Ни одного лишнего движения, почти механическая сила и отчетливость хода.

До призового столба еще метров пятьдесят. А трибуны уже гремят аплодисментами.

Оба гастролера остались позади. Усталые и злые съезжают гастролеры с круга на измученных лошадях.

Через несколько минут новая волна аплодисментов.

Победители проходят перед трибуной.

Духовой оркестр играет марш. Спускаются судьи и администрация.

Контролерша распахивает перед ними маленькую калиточку в барьере. Они гуськом выходят на дорожку. Злодея подводят к судьям. Оркестр гремит тушем. Сеньке жмут руку и вручают конверт с чеком.

Молодая женщина протягивает через барьер букет цветов. Злодей тянется зубами к букету. Запах цветов щекочет ему ноздри и родит далекие и смутные воспоминания.

Злодей задирает голову, приподнимает хвост и долго звонко ржет. И вдруг торжественный, освященный временем и традицией момент нарушается. На дорожку незаметно спускается маленький старичок с живыми, шевелящимися усами.

– Стыдно, стыдно, так не поступают честные и порядочные люди! – кричит старичок на растерявшихся судей и машет перед их носом палкой. – Зачем вы темните лошадь? Эту лошадь зовут Браслет Второй. Это лучшая лошадь по резвости и породе, которую я видел за свою жизнь. Его отец – Браслет Первый, мать – Злодейка с завода Лысухина. Такую лошадь стыдно скрывать. Ее надо отправить на завод.

Старик не окончил речи. Злодей, услышав его голос, встрепенулся и ткнул мордой в плечо старика. Губы зашарили по рукам и карману.

– Узнал, узнал, – растроганно лепечет Рыбкин.

Прозрачная капля выкатилась из-под синих очков. Рыбкин тихо всхлипнул.

Злодея увели. Следом шел Сенька, поддерживая под руку слепого старика.

* * *

Через четыре года наездник Мочалкин выиграл вступительный приз на гнедом жеребце Браслете Третьем.

Но Рыбкин уже не слышал его четкого хода. Два года назад навсегда замерли подвижные моржовые усы. Торжественный и строгий, на высоком белом катафалке в последний раз ехал старик. Шестеро вороных, без единой отметины рысаков, с трудом сдерживаемых на поводах, выгибая шеи и играя мускулами, шагали в такт шопеновского марша.